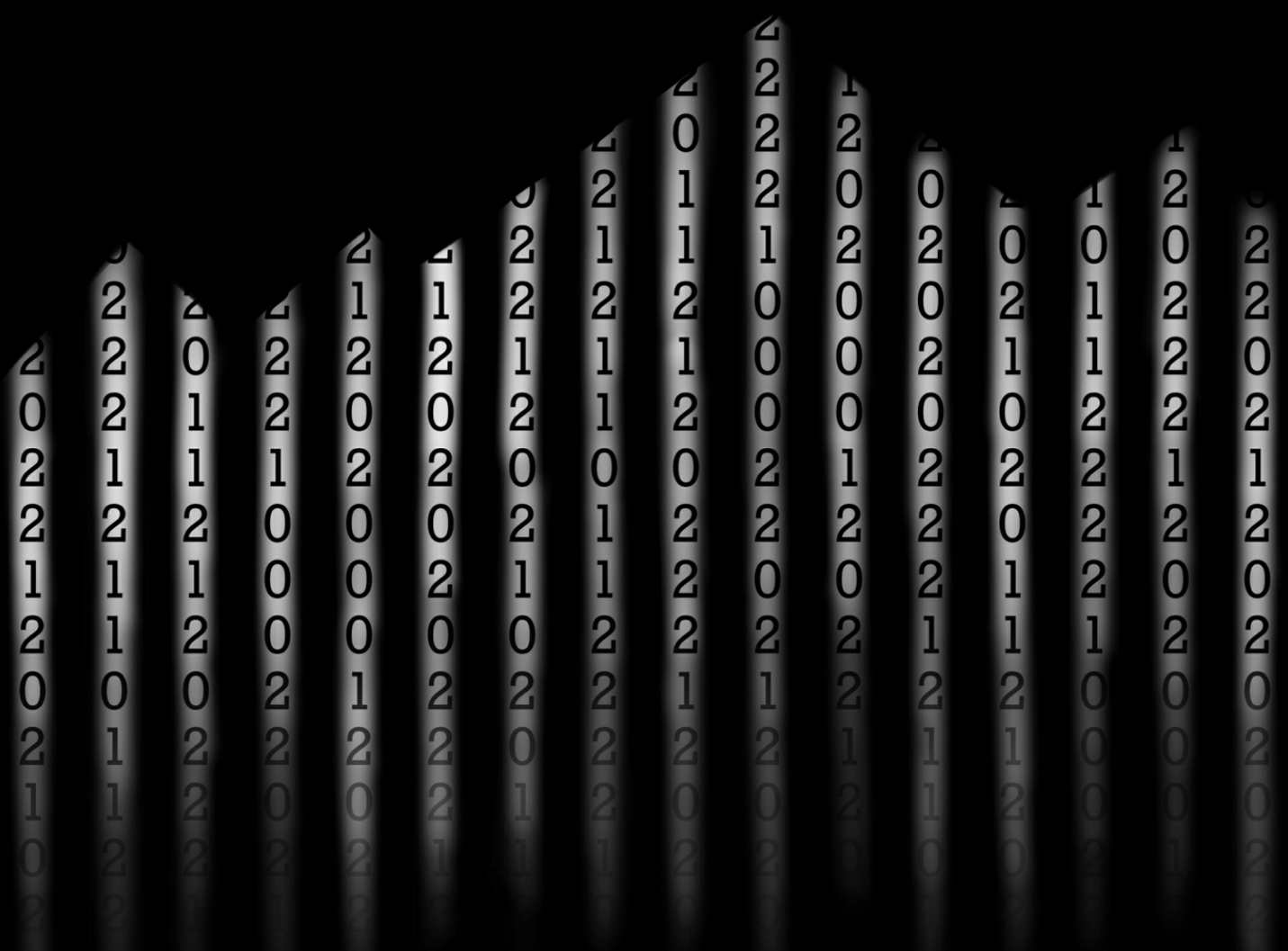

Вадим Черников

МАГЕДДО

виртуальный роман

16+

Вадим Черников
Магеддо. Виртуальный роман

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Черников В. В.

Магеддо. Виртуальный роман / В. В. Черников — «ЛитРес: Самиздат», 2020

ISBN 978-5-532-06630-4

Спецслужбы ведущих стран мира получают данные о готовящейся операции под названием "Итог" и начинают готовиться к отражению неведомой террористической угрозы. Вскоре мир накрывает пандемия нового вируса. Никому нет дела до новой компьютерной игры "М версия", в которой две студенческие команды из России и США готовятся к заключительному этапу. Дата начала операции "Итог" полностью совпадает с финалом новой игры. Ничто уже не в силах помешать решающему "виртуальному" сражению, которое разворачивается на склонах забытой всеми древней горы.

ISBN 978-5-532-06630-4

© Черников В. В., 2020
© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

Часть первая	6
Статья первая	6
Статья вторая	9
Статья третья	13
Статья четвертая	18
Статья пятая	24
Статья шестая	31
Статья седьмая	39
Статья восьмая	45
Статья девятая	51
Статья десятая	57
Статья одиннадцатая	63
Статья двенадцатая	68
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Между землей и небом – война.

Виктор Цой

Помните: в каждом мифе есть зернышко истины, которое снова может стать нашим хлебом насущным.

Станислав Ежи Лец

Алое, тревожное солнце неожиданно выскочило, вывалилось из-за каменной гряды и ударило своими первыми утренними, но уже удушливо – жаркими лучами прямо в смуглые лица воинов. Те привычно прищурились, и ускорили шаг к выходу из узкого ущелья прорезавшего скалу навывлет. Босиком, в одних белых передниках на бедрах и узких лентах – жгутах на головах, туго схватывающих их длинные, черные волосы. Нависающие стены с торчащими как наконечники стрел острыми осколками гранита, осыпающимися тут и там струйками песка, смешанного с мелким щебнем давили на них и подгоняли к выходу, к солнцу. К своему повелителю, который уже ждал их нетерпеливо разминая свое мускулистое, затёкшее в дороге тело.

Отставшие в пути ещё только поспешно занимали свои места, подгоняемые ударами бамбуковых палок, мелькавших в руках командиров и гортанными, злыми возгласами, а повелитель уже грозно взмахнул рукой. Леопардовая шкура на его плечах переливалась на солнце причудливым узором пятен, скалилась безжизненно белыми клыками со свисающей сзади морды хищника. Подбежавший худенький мальчишка тут же упал на колени, опустил голову низко к земле и протянул ему высокий, прямоугольный головной убор-шлем. Повелитель быстро надел его на голову, поправил золотые браслеты на локтях и запястьях. Легко вскочил в золоченую колесницу, запряженную двумя вороными конями, нетерпеливо перебирающими стройными, мускулистыми ногами и сдерживаемые сильными руками пожилого возницы. Ему подали большой лук и колчан с длинными стрелами, и он толкнул возницу ногой, обутой в сандалиии с двумя ремешками прикреплённый к ноге. Тот тронул с места, ещё триста колесниц остепенно образовали вокруг повелителя ударную силу армии. Тоскливо и хрипло запели боевые трубы...

Пехота начала с быстрого шага, подравнивая ряды и перехватывая поудобнее боевые секиры и серповидные двуручные хопеши. Лучники огибали, обтекали войска с флангов и готовили смертоносные стрелы. Колесницы перешли в галоп, пехота припустила бегом, разваливая стройные поначалу ряды, раздался боевой клич, тут же ставший просто ревом тысяч бегущих убивать врагов мужчин. Повелитель выпустил первую стрелу, лучники поддержали его градом своих выстрелов, колесницы врубались в развалившийся строй врагов, сбивая тех с ног копытами коней, пехотинцы с воплями вломились следом... Вой и грохот сражения ударились о подножие пологой, невысокой горы и, отражённый ею вернулся эхом обратно в поле, где уже почти всё было кончено, решено.

Противники не ожидали выхода армии из ущелья и только начинали строить свои войска. Проход сквозь скалу лишил их всех возможных преимуществ, а удар появившегося прямо перед ними врага – с марша – был решительным и мгновенным. Битва была короткой и жестокой, больше походившей на избиение. Победителю достались кони, кожаные панцири, луки, сотни простых колесниц и две – украшенные золотом, серебряные шатровые столбы, скот, мешки муки и сотни пленных – будущих рабов. Потеряв на поле боя почти две тысячи убитых воинов, противник поспешно бежал с остатками войска и укрылся в крепости на вершине той самой пологой горы, у подножия которой только что завершилась битва. В ожидании штурма или осады и неизбежного позорного окончания этой короткой, неудачной войны.

Часть первая

Контракт

Это – бесовские духи, творящие знаменья; они выходят к царям земли всей вселенной, чтобы собрать их на брань в оный великий день
Откровение Иоанна 16:14–16

Статья первая

Операция «Итог»

Совершенно секретно
Срочно 12.12.2019
Заместителю директора по разведке
Центрального разведывательного управления США

Донесение

Согласно Вашей директиве о предупреждении террористической опасности на территории США, докладываю. В ходе допроса задержанного в результате операции специального подразделения 11 декабря с.г. на территории Пакистана гражданина Саудовской Аравии (кодовое имя «Мулла») получены следующие сведения.

В период ближайших трех-четырех месяцев готовится операция – предположительно ряд террористических актов или атак против США. Цели и объекты атак неизвестны. Какие средства предполагается применить для осуществления атак, также на данный момент не выяснено. Даты предполагаемых атак также неизвестны, однако объект заявляет, что они являются запланированными элементами операции под общим названием «ИТОГ».

К объекту специальных средств допроса пока не применялось. Объект ведёт себя уверенно и даже вызывающе. По его словам, противопоставить что-либо грядущей атаке не представляется возможным.

Прошу Вас обратить особое внимание на то, что объект несколько раз произнес фразу (привожу ее буквально и полностью): «Вымрете все, как мухи».

Ведутся допросы с целью выяснения всех возможных деталей, но до настоящего момента они результатов не принесли.

Прошу Вашего распоряжения на применение специальных методов допроса, согласно пункту 12-БИС Приказа № 107, с целью скорейшего выяснения возможных важных деталей.

В связи с серьезностью и секретностью полученных данных, прошу вывести дальнейший ход расследования из моей юрисдикции и переподчинить операцию руководству Службы внешней разведки ЦРУ США.

Директор объекта «Т»-17

Срочно Совершенно секретно 13.12.2019
Директору Службы внешней разведки РФ

Докладная записка

12 декабря с. г. в ходе спецоперации группы «Заслон» на территории Таджикистана была уничтожена террористическая группа, имевшая целью проникновение на территорию РФ через Таджикистан и Казахстан, с целью организации (как предполагалось) ряда террористических актов на объектах путей сообщения-аэропортах и железнодорожных вокзалах. Личности террористов устанавливаются. В ходе ликвидации группы главарь пытался уничтожить находившийся при нём документ.

Документ представляет собою донесение на арабском языке, из которого стало известно, что уничтоженная группа – одна из нескольких, направленная на территорию РФ с неизвестными целями. Все они объединены одной целью: участие в операции под названием «ИТОГ».

Объекты, средства применения и даты операции неизвестны. Срок окончания подготовки определён через три-четыре месяца, что позволяет с большой вероятностью предположить, что проведение операции намечено на март-апрель этого года.

Остальное снаряжение членов террористической группы передано для дальнейшего исследования, согласно действующим инструкциям.

Заместитель Директора СВР РФ по операциям

Совершенно секретно Срочно 13.12.2019
Начальнику Управления
по борьбе с арабским терроризмом Израиля

Рапорт

Докладываю, что 12 декабря, в ходе спецоперации № 124–23–07 на территории Ливана был уничтожен объект под кодовым именем «Аль – Наср». При подготовке операции велось скрытное наблюдение, в ходе которого был выявлен контакт объекта с ранее неизвестным мужчиной. После уничтожения объекта было принято решение по захвату неизвестного, что и было произведено. В процессе захвата неизвестный принял яд и скончался.

Считаю необходимым сообщить, что перед смертью неизвестный успел сказать, что «Скоро наступит «Итог», и в Иерусалиме уже некому будет приходить в храмы и мечети. Ничто не остановит его. Никто и ничто».

Слова командиром спецгруппы переданы максимально точно и подтверждаются остальными членами спецгруппы. Слово «Итог» неизвестный повторил дважды.

Командир спецподразделения «Кидон»

Совершенно секретно Срочно 12.12.2019
Секретарю Секретной
разведывательной службы

Великобритании

Отчет

Довожу до Вашего сведения, что в период с 10 по 12 декабря, согласно распоряжению № 12–344, специальная группа радио электронного перехвата осуществляла запись переговоров и контактов объекта «Х-121» на территории Соединённого Королевства (Лондон и пригороды).

В результате радиоперехвата разговора объекта с неизвестной женщиной 12 декабря с.г. был записан разговор, из которого следует, что в ближайшие три-четыре месяца на территории Соединённого Королевства планируется осуществление террористических-предположительно-акций или атак. Объекты, средства и дата атак неизвестны, однако неоднократно звучало слово «ИТОГ».

В результате операции по задержанию, решение о которой было принято на месте начальником отдела спецопераций, объект «Х-121» покончил жизнь самоубийством, а женщина арестована. Личность последней устанавливается.
Начальник Управления радио электронной разведки

Срочно

Совершенно секретно 14.12.2019

Министру Государственной безопасности

Китайской народной республики

Доклад

Докладываю о том, что 12 декабря с.г., в результате применения специальных методов допроса к задержанному 10 декабря в Макао объекту с кодовым наименованием «Ли-386» получены важные сведения, касающиеся государственной безопасности КНР.

В результате допроса установлено, что в ближайшие два-три месяца на территории КНР будет проведена предположительно террористическая операция под кодовым наименованием «ИТОГ». Иными сведениями, способными раскрыть заказчика и детали готовящихся террористических атак задержанный не располагает, что подтверждено тестами на цифровом полиграфе.

Считаю необходимым добавить, что объект находится в крайне возбужденном психическом состоянии, постоянно повторяя следующие фразы: «Конец всему и всем вам.»

Начальник Третьего бюро операций в Гонконге, Макао и на Тайване

Статья вторая Остров Бали. Индонезия

Российская команда проигрывает в полуфинале международного турнира по компьютерным играм. Капитан команды Михаил заводит новые странные знакомства. Победители и побежденные встречаются вновь после финала.

Неудачная «контратака»

Он как будто задремал, забылся под шелест волн и теперь то ли проснулся, то ли очнулся быстро, разом. Странный сон-видение пропал, растворился, почти не задержавшись в памяти, которую занимали совсем другие мысли. Тяжелое разочарование стало понемногу отпускать, но злость всё ещё продолжала терзать сознание. Воспоминания о вчерашнем крахе никак не хотели уходить. Для этого нужно было время, а его-то как раз не было. Потому что совсем недалеко, на втором этаже отеля, именно сейчас разворачивался финал Чемпионата мира по компьютерной игре «Counter strike», известной как «Контратака». И проходил этот финал без Михаила, без его команды, без... Разворачивался без них, потому что именно он, капитан, ошибся.

Михаил понял это вчера еще в середине «битвы», задолго до того, как виртуально упал последним от очереди в спину на экране компа. Неважно, что почти сразу же извинился за свою ошибку Гор и виновато потупился Тимур. Неважно было, хоть и приятно, что Анита быстро поцеловала его в щеку, успокаивая. И уж совсем наплевать, что мокрый, красный Дэн метнул в него горящий взгляд, оттолкнулся от стола и, бормоча почти вслух какие-то ругательства быстро ушел, опрокинув свой стул. Важно было то, что ошибся, не смог, не совершил он, капитан. Капитан своей команды, собранной им, подготовленной и привезенной сюда, в этот рай. Да... рай. В Москве сейчас скорее всего пасмурно, снежно и уныло, подумал Михаил. В принципе, проверить было легко – стоило только достать айфон, но как раз этого делать и не хотелось... Завтра уже убедимся наяву – подумал он и снова откинулся на прогнувшую спинку хлипкого бамбукового креслица, пытаясь запомнить эту картину, которая одна только своим вечным величием и могла оторвать его хоть ненадолго от мыслей, копошащихся в голове, словно жирные дождевые черви.

Женщина и мужчина

Индийский океан глубоко и мощно вздыхал, накатывая небольшие волны на песчаный берег, шурша и шипя пеной как большая, ленивая, но опасная кошка. Оранжево-багряное солнце мирно садилось прямо в середину огромной пальмы, а на горизонте уже выныривали из воды неестественно яркие звезды, похожие на бриллианты. Слышались отзвуки странной, печальной и нежной мелодии. Остров Бали начинал жить своей обычной вечерней жизнью, плавно переходящей в ночную. Дневная липкая жара спала резко, как будто включили кондиционер и вентилятор одновременно. Не хватало только влюбленных парочек – подумал Михаил и тут же «накаркал».

Женщина в чем-то светлом, похожем одновременно на сарафан и на сари, а может быть и на вечернее платье шла вдоль кромки океана, держа в одной руке туфли. А может быть шлепки или босоножки. Она появилась из – за пальмы и догорающее солнце подсвечивало ее волосы и фигуру розовым, мерцающим светом. Женщина шла, задумчиво опустив голову, а волны ласково омывали ей ноги своими пенными водоворотами.

В метре от нее, держась подалеже от прибора, вышагивал высокий, прямой мужчина, одетый в легкую черную рубашку-гавайку и в черные же брюки. Он что-то говорил – твердо и уверенно, но женщина не отвечала, а только помахивала рукой с туфлями и смотрела вдаль, на море.

Поссорились, видимо – догадался Майк и решил уходить до развязки. Отпускные ссоры все равно заканчиваются одним и тем же – примирением на словах и замирением в виде бурного секса. За неделю, проведенную здесь, он убеждался в этом не раз и не два, а потому и не хотел больше «проходить свидетелем». Тем более сегодня. Он заворочался в креслице, но парочка неожиданно развернулась и направилась прямо к нему. Михаил застыл на месте, надеясь, что его не увидят в темноте навеса, под которым он скрывался от всего и ото всех, кроме самого себя...

Разговор на пляже

Вышло наоборот, наперекосья как, впрочем, и все в эти два дня. Парочка остановилась рядом с его навесом. Мужчина закурил длинную коричневую сигарету. Огонь блеснувшей желтой благородной тяжестью зажигалки осветил на секунду его лицо, обрамленное короткой, аккуратной бородкой и отразился оранжевым в карих, глубоких глазах. Голубые глаза, смотревшие печально и пшеничные волосы женщины так же на миг появились из темноты. Михаилу показалось, что она смотрит прямо на него.

Только этого и не хватало – успел подумать он, как мужчина сделал пару шагов к его навесу, выпустил струйку сладковатого, терпкого дыма и спокойно спросил на русском:

– Переживаете, молодой человек?

Михаил скрипнул креслом, напрягся своим гибким, жилистым телом, но промолчал.

– Зря, – продолжил незнакомец, – Переживать уже не нужно. Необходимо анализировать. Вы же капитан, лидер. Оставьте волнения своим друзьям, партнерам, подопечным. А вы... Вам нужно готовиться.

– К чему? – буркнул Михаил, отворачиваясь от незнакомца и упрямо тряхнув своими рыжеватыми, жесткими волосами, – К чему готовиться? Турнир закончен, а завтра мы уже будем дома.

– Дома... – повторил эхом мужчина и снова затянулся сигаретой, – Но это же не последний турнир, я полагаю? Или вы на этом решили остановиться? Остановиться и остаться проигравшим навсегда? Проигравшим капитаном проигравшей команды?

Женщина тихо вздохнула, но не произнесла ни слова. Михаил тоже молчал, с неудовольствием ощущая, как злость, вроде бы утихнувшая, вновь начинает бурлить, klokотать внутри него как вода в готовом закипеть чайнике. Тем не менее он не двинулся с места и равнодушно обронил:

– Бывает. Всего не выиграешь.

Незнакомец согласно кивнул, но добавил:

– Так говорят те, кто крупно побеждал. Имеют право так говорить. А вы пока что, если не считать нескольких средненьких турниров, ничего серьезного не выиграли. Впрочем, именно теперь у Вас может появиться реальный шанс. Потому что, кто не падает – тот и не поднимается. Если, конечно, не разобьешься при падении. Но, мне кажется, эта не та вершина, упав с которой можно разбиться вдребезги. Так, не гора даже, а пригорок.

– Вам, видимо, виднее, – проворчал Михаил и встал, намереваясь уйти.

– Тут вы абсолютно правы! – усмехнулся незнакомец, – Мне-то уж точно виднее.

Михаил, который уже окончательно запутался в чужих словах и своих мыслях, тем не менее, сдержался и довольно вежливо сказал:

– Простите, мне пора. Всего доброго.

Он быстро пошел по песку в сторону отеля, блиставшего яркими огнями, и неожиданно понял, как ему хочется туда, на свет, к людям. Он услышал, как мужчина коротко хмыкнул:

– Всего...

И как женщина произнесла мягким голосом:

– До встречи, Михаил.

Михаил – в компьютерном «миру» Майк – автоматически отметил, что женщина назвала его по имени, но удивляться этому факту не было смысла. Назвала и назвала. В любой программе на турнире информация о настоящих именах участников, кроме компьютерных ников – сокращений была. Тоже мне фанаты нашлись! – фыркнул он и ускорил шаг.

Горе побежденным

Ему хватило нескольких минут, пока он пружинисто прыгал вверх по лестнице отеля и нырял в лифт чтобы в его голове, начавшей работать как самый быстрый компьютер в мире, пронеслись мириады мыслей. Незнакомец – Михаил это понял почти мгновенно – попал именно туда, в самую цель и вытащил со дна все его мечты и стремления. Ради которых он собрал в один кулак всех этих ребят, ставших ему больше, чем друзьями. Ради этой цели корпел ночами, зарабатывая деньги у компа. Ради всего этого... уже почти потерял Аню. Хотя, похоже, что и находил-то он ее только в мечтах, но все же. Так ради чего все это? Ради победы. Ради победы? Допустим. Только вот нет ее, победы. Нет успеха. Американская команда обыграла их в полуфинале, обошла в последней атаке, когда все, казалось, было в его, Михаила, руках...

Крах был полным и сокрушительным. Что и подтвердил своим снисходительным рукопожатием голубоглазый, мускулистый – хоть на рекламный плакат «Живи в США и радуйся» – капитан штатников Джо.

– Капитан Америка! – завизжали экзальтированные японцы, которые вели себя на турнире абсолютно противоположным отечественному пониманию о них образом. Вылетев на ранних стадиях японцы, вместе со своими спонсорами из, как ни странно, корейского «Самсунга» и группой поддержки хлестали пиво и отрывались по полной. Парни надевали кожаные куртки-косухи и делали на голове «ирокезы», а девчонки, в немыслимых расцветок чулках вкупе с огромными ботинками беспрерывно танцевали и визжали противными голосами. Дети глобализма – как прозвал их Гор – действовали в духе своего времени. Выбрав «звезду» в лице Джо, они тут же припечатали его звучным-хотя и неоригинальным, в американском стиле-эпитетом и отчаянно поддерживали своего «Капитана Америку». До ослепительной улыбки Джо и легкой небрежности в одежде, призванной подчеркнуть все достоинства его атлетической фигуры русскому капитану было далеко изначально. А теперь уж и подавно. «Горе побежденным!» – вспомнил он слова варвара, бросившего свой меч на весы, на которых униженные римляне отвешивали выкуп.

Битые ставки

Горе-не горе, но беда уж точно. Как вы яхту назовёте, так она и... И виноват он и только он. Сделав ставку на Дэна, он ошибся. Статный и уверенный, казавшийся таким надежным спортсмен Дэн не выдержал атаки и провалил свой фланг. В то время как очкарик Гор держался на своем участке до последнего. Михаил приглядывал за всеми, но почему-то был не уверен именно в Горе. И ошибся. Анита, на которую тоже была надежда, совершала одну ошибку за другой. Глупо и еще глупее. По-женски. У нее всегда было оправдание. Тимура подвела, как не раз случалось его горячность и...

В общем, проиграли все, а виноват один лишь капитан. Впрочем, игры уже закончились и начиналась обычная, не виртуальная жизнь, в которой Михаил попал на четыре тысячи «евриков». Реальных. Потому что универ с превеликим скрипом оплатил дорогу и вступительный взнос, а вот проживание и все остальное упало на «честную компанию», главным недостатком которой было то, что богатством никто не блистал. Да и достатком тоже. Дэн, конечно, был тут исключением, но у него с деньгами было насколько хорошо вообще, настолько же и трудно в частности. Потому и он тут был не особый помощник. Хорошо, хоть самого себя с финансового баланса команды снял. Ладно, выкручусь как-нибудь – подумал Михаил, с тоской предвкушая ночные бдения над парой-тройкой компьютерных программ, которые придется сделать в ближайшую неделю, чтобы покрыть долг. На этом поток сознания Михаил был прерван возбужденным Дэном, встретившим его прямо у входа и крепко схватившим за руку:

– Ты где ходишь-то, кэп? Я тебя обыскался!

– А что? – буркнул Михаил, подозрительно покосившись на пластиковый стакан с местным ярко – желтым пивом в руке Дэна и его довольную физиономию.

Пока Дэн делал несколько глотков и указывал ему рукой направление Михаил успел окинуть взглядом зал, где уже началось заключительное действие, которое Дэн назвал по-русски «Отвальным банкетом». Штатники, во главе с белозубым Джо стояли вокруг стола, на котором возвышался метровый, похожий на хоккейный Кубок Стэнли приз за победу и слушали его речь. Поодаль тусовались юркие китайцы, которых разгром в финале не особенно, похоже, расстроил. Они трясли призовым плакатиком с суммой в 20000 долларов над головой и были вполне довольны и собою, и судьбою.

Конец игры – начало пира

Сновали вновь готовые завизжать японцы, светловолосые шведы степенно попивали пиво, поляки переругивались, корейцы щелкали фотоаппаратами. Несколько корреспондентов с камерами терпеливо ждали, когда американцы снизойдут до интервью что бы, после дежурных вопросов и ответов присоединиться к банкету и, возможно, к последующим танцам. На грядущую дискотеку указывало то, что тощий индонезиец-диджей в наушниках размером каждый с его голову и джинсах с висящей до колен ширинкой деловито расставлял аппаратуру. За его спиной десяток рабочих заканчивали разбор компьютеров и снимали экран, на котором совсем недавно в прямом эфире разворачивалась финальная битва США-Китай.

Победители начали выстраиваться-кучковаться для фотографии, держа в руках большой чек, на котором были крупно выведены цифры приза – 100000 денег производства их же страны, когда Дэн потащил Михаила к столу, за которым не стояли, а сидели, как у нас принято все участники российской команды. Михаил с облегчением увидел, что Гор и Анита приветливо улыбнулись ему, а Тимур смущенно отвернулся. Он сел за столик, оглядел всех и подумал, что он правильно не остался на награждение. Это было бы слишком...

Статья третья Остров Бали

Банкет и неожиданный подарок. Вопросы материальные и любовные. Россия и США начинают «третью мировую войну» на отдельно взятом острове и втягивают в нее полмира.

Бескомпромиссный приз

Дэн подмигнул Аните и она откуда-то достала примерно такой же, как у китайцев, призовой плакатик, на котором была надпись – 10000 долларов. Вечер становится всё веселее – грустно подумал Михаил, а Гор, поправив очки тихо разъяснил:

– Приз от одного из главных спонсоров турнира: «За бескомпромиссную борьбу» называется. Ну или примерно так...

Гор, который на самом деле был конечно Егором, улыбнулся Михаилу и уткнулся в свой стакан с колой.

– Так что – поздравос, капитан! – махнул рукой Дэн, он же Денис и плюхнулся на свой стул.

– Ты, я надеюсь, отбилась по бабкам с нашей поездочкой? – блеснул желтыми искорками в глубине своих темных глаз Тимур, который всегда был только Тимуром. В денежных вопросах он был щепетильным до крайности, и настойчиво ждал ответа.

– Теперь даже в плюсе. – задумчиво обронил Михаил, – Только я что-то такого приза не припомню в планах турнира.

– У богатых свои причуды! – логично закончила тему Анита – она же Анна – и откинулась на стуле, тряхнув короткой чёлкой.

– И причиндалы! – неудачно, но громко пошутил Денис.

Тем не менее все дружно засмеялись и напряжение, возникшее с приходом капитана стало ощутимо спадать.

– Действительно, – подумал Михаил, – Сколько можно уже? Сам, как идиот, хожу тенью, и всех загнал туда же, на «темную сторону». Первый крупный турнир, сами прорвались в «четверке» закончили. Хорошо, что за третье место войнушки не было. Да и... Если бы сегодня, в финале, нас грохнули – лучше бы было? Хуже четвертого места только второе, вспомнил Михаил слова деда – заядлого футбольного болельщика. Я, конечно, тот еще... чудак и чудик. Пацанам по двадцать лет, а я их уже сгноил совсем... капитан, называется. Михаилу самому не так давно исполнился всего двадцать один год, но он как-то давно забыл о своем возрасте. Он был взрослее всех в команде не по годам. И ребята это понимали и признавали.

Женщину искать не надо

Михаил быстро встал, кивнул Егору, который тут же подвинул к нему стакан с пивом и негромко, но внятно сказал:

– Парни, Аня! Вы все молодцы. Я вами горжусь. А если что – так я виноват. Простите, и давайте уже сегодня отдыхать. Одна ночь осталась, все оплачено, бабки есть, не в долгах, хоть и не в шелках. А дальше будет как будет! Вперед!

Денис выдохнул так шумно, что сдул на пол несколько салфеток, Тимур благодарно посмотрел на капитана, Егор твердо кивнул, а Анна улыбнулась милой, светлой улыбкой. И посмотрела куда-то вглубь зала, мимо него. Михаил сел и проследил за ее взглядом: Анна

наблюдала за штатниками. Настроение начало опять портиться, но он попробовал заставить себя не думать об их отношениях хоть сейчас. В принципе и думать то было не особенно о чем. Бурное начало, которое, впрочем, ни во что серьезное, кроме поцелуев не вылилось и перешло в стадию стагнации и как то вот почти «рассосалось» само собою. Думать об этом в процессе подготовки к турниру было особенно некогда, а от серьезных разговоров Анна уходила. Тактично, но твердо. Возможно у нее кто-то появился, но все это были лишь предположения. Михаил глушил чувство остервенелой работой, а Анна не давала поводов ни для ревности, ни для близости. Разговор, наверное, был еще впереди, но желательно не сегодня, «до кучи» – подумал он.

Только вот все его мысли и желания исполнялись сегодня «в точности до наоборотности» – как шутил Денис, вполне в духе его современников-юмористов, заполонивших отечественные телеэкраны шутками-переделками известных словосочетаний, коверкая «великий и могучий» напрапалую. Странный вечер плавно перешел в еще более странную ночь. Дискотека действительно началась, к радости почти всех присутствовавших на банкете команд. Разношерстный интернационал прыгал и бесился в ломаных бликах света, под всем известные «убойные» мелодии ночных клубов. Вскоре туда стали вклиниваться и «медляки». Как заметил Михаил – после того, как «Капитан Америка» о чём-то поговорил с тощим ди-джеем.

Плохие – а иных сегодня не наблюдалось – предчувствия его не обманули: американец пригласил на танец Анну, и та не отказала. Продолжилось все подходом американской команды в полном составе к их столу для «выражения уважения русским, которые сражались, как львы». Это сказал, конечно, Джо. Михаил спокойно кивнул и сделал глоток пива из стакана, не сказав в ответ ни слова. Анна зыркнула на него взглядом, означавшим: «Надо бы и им сказать что-то хорошее, поздравить...». Капитан взгляд понял, коротко сказал: «Поздравляю» и проводил компанию победителей тяжелым взглядом.

Без музыки – война

Анна явно обиделась, но тут – как всегда, некстати – музыка резко вырубилась и до всех за столом русской команды донеслись слова высокого, тощего штатника по имени Билли, шедшего рядом с Джо. Этот парень вообще весь турнир производил впечатление сумрачного и желчного – тот еще типок, припечатал Денис – существа, ненавидящего всех и не видящего ничего, кроме своего компа. С превеликим трудом подчиняясь только Джо. Михаилу даже показалось, что Джо побаивается этого парня и терпит в своей команде только ради победы. Теперь же Билли вовсе раскрылся «во всей красе». Махнув казавшейся черной из – за покрывавших ее татуировок правой рукой – в то время, как на левой никаких рисунков не было – Билли громко произнес слово, которое знают все. Не говоря уже про Анну, Дениса и Михаила, владевшим английским в совершенстве, и про Тимура, сносно говорившему на нем, и даже про Егора, которому вполне хватало профессионального «игроцкого» сленга...

– Лузеры! – хохотнул Билли, а Джо ответил ему своей белозубой улыбкой. Тимур вспыхнул, резко отодвинул стул, но свет в зале погас, громыхнула незатейливым ритмом очередная «танцуйка», а Михаил отрицательно покачал головой. Тимур сел обратно так же резко, скрежетнув ножками стула по полу. Конфликт пока был локализован, но он уже даже не тлел, а горел конкретным костерком. Продолжение не заставило себя ждать.

Два капитана

Через полчаса Джо снова подошел пригласить на танец Анну, не обращая внимания на внимательные взгляды русской команды и на страдающий – одного из представителей команды своей. Симпатичная, тихая девушка с длинными, темными, прямыми волосами в родне кото-

рой явно были кто-то или из индейцев, или из индусов, как заметил наблюдательный Егор, не спускала огромных, готовых пролиться слезами глаз с Джо. Впрочем, Анна была обижена на слова Билли и на этот раз отказала Джо, под одобрительные взгляды Тимура и Дениса и к облегчению «индианки». Джо ретировался, но вскоре выловил Анну у стойки, куда она направилась за своим чаем – дело близилось к четырем утра – и затеял долгий разговор. Анна с виду была вынуждена отвечать, хотя, как давно понял Михаил, ей просто этого хотелось...

Корпоративные, командные, национальные и другие вопросы отошли на второй план. Мир для этих двоих стал стремительно сжиматься до размеров нескольких квадратных метров, и им хотелось, чтобы «сжатие» шло еще быстрее. Анна ничего уже поделать с собою не могла и, когда Джо приобнял ее за талию, она отстранилась скорее инстинктивно, чтобы в следующий момент дать ему прижать ее к себе, но... Этого не произошло, потому что руку Джо перехватил и резко откинул Михаил. Затем он взял Анну под руку и повел к столику, из-за которого наблюдали «свои». Анна шла, как в тумане, да и Джо застыл на месте. Впрочем, ненадолго. Когда Михаил подвел Анну к столу, рядом уже был Джо. Михаил обернулся к нему.

Какое-то время капитаны стояли, сверля друг друга голубыми и серо – стальными глазами. Анна сжалась на стуле, предчувствуя взрыв. И он грянул. Джо попытался обойти Михаила и снова направиться к Анне. Михаил толкнул Джо... Тот размахнулся, Михаил ловко нырнул под кулак Джо, одновременно выбросив правую руку в живот противника. Оба удара эффекта не имели: кулак Джо пролетел над головой русского, а удар Михаила принял на себя железный пресс американца. Капитаны, поняв, что перед каждым достойный противник, отступили на несколько шагов, но они только лишь улучшали позиции и выбирали момент для атаки. Мускулистый Джо и жилистый Михаил только начали извечный мужской разговор...

Отброшены в сторону два пластиковых стула, Джо отталкивает подвернувшуюся под руку японку. Михаил убирает за спину некстати появившегося парня-официанта с круглым подносом. В очередной раз с киношной, планируемой сценарием неизбежностью падает звенящая музыкальная пауза-тишина. Взвизгивает истерично и возбужденно японочка, официант роняет с подноса глиняную плошку с соусом. Брызгает на пол красноватая смесь...

Две команды

Анна опомнилась, вскочила и попыталась вклиниться между капитанами, но ее кисть, перехваченная железной рукой Тимура, пронзила тупая боль. Было уже поздно... Из-за американского стола встали трое: Билли, с мрачной и торжествующей улыбкой, квадратный и хмурый темнокожий парень Зак и невысокий, прыщавый Чак, совершенно не сочетающийся со своим грозным именем.

Тяжело отодвинул не свой стул, а весь стол Денис. Покатился пластиковый стаканчик, выплескивая буро-желтую пивную жижу на стол, потекшую грязной струйкой с его края на пол. Пружинисто подскочил Тимур, на его лице степняка вмиг отразилась вся гамма предвкушения битвы, он будто вытянул кривую саблю из ножен и с гиканьем был готов скакать на врага.

Что он и сделал в следующее мгновение, сцепившись с Билли. Они покатались по полу, нанося друг другу удары руками и ногами, брыкаясь и выкручивая руки и пальцы. Денис с размаху налетел на Зака, намереваясь сбить того с ног, но американский футбол придумали не слюнтая и хлюпки. Зак принял и выдержал своей широченной грудью и плечом удар Дэна, лишь отступив на шаг. В следующее мгновение они, обхватив друг друга мощными руками и силась опрокинуть противника на пол, срослись в единое, тяжелое и сопящее целое. Чак неожиданно принял грозную позу «каратиста», однако Егора это ничуть не смутило – жизнь его еще несколько лет назад предполагала чуть ли не ежедневную борьбу за эту самую жизнь. Они обменялись первыми пробными ударами и удачными попаданиями, разведывая способ-

ности друг друга. Джо и Михаил тем временем успели нанести и получить в ответ по несколько тяжелых ударов. На губе Джо выступила кровь, а глаз Михаила стал заплывать синевой.

Два мира

Между тем в зале разворачивались совершенно непредсказуемые события, так как, невзирая на отчаянный визг японок, никто и не подумал разнимать дерущихся или снимать «скандальное видео» на свои мобильники или айфоны. Совсем наоборот. По залу неожиданной взрывной волной пролетел импульс, расколовший его надвое. Англичане решительно встали и пошли к дерущимся, явно решив поддержать американцев. Их перехватили решительные сербы и там немедленно закипела драка. Пакистанцы немедленно сцепились с индусами, кидая друг в друга стулья. Австралийцам преградили дорогу шумные греки. Французы и итальянцы толкались с испанцами, которых ожидаемо поддержали алжирцы и эфиопы. Бразильцы столкнулись с «братьями» аргентинцами.

Постепенно стали вырисовываться два лагеря. Один за русских и второй с обратной направленностью. В драку, быстро переросшую в сражение, втянулись почти все команды. За исключением некоторых наблюдателей и нейтральных. Китайцы с интересом смотрели за битвой из своего угла, не упуская, впрочем, из виду японцев и южных корейцев. Немцы быстро выяснили, что их симпатии поделились примерно поровну и решили, что смысла вступать в драку нет никакого. Тем более что за ними внимательно следили бельгийцы, сидящие неподалеку и явно хорошо помнившие две последние мировые. Поляки немедленно и отчаянно переругались между собою, а традиционно нейтральные швейцарцы и голландцы предусмотрительно отошли подальше.

Некоторые команды «под шумок» решали свои, локальные задачи. Так, степенные с виду шведы пристали к с виду флегматичным финнам. Те думали и соображали, что ответить и отвечать ли вообще, но тут полная, конопатая финка так же задумчиво и неспешно плеснула альбиносистой шведке в лицо пивом... и понеслось. К израильтянам одиноко, организованно и обречённо отступавшим к эстраде и вооружавшимся по пути чем попало, направлялась с «дружественным визитом» шумная делегация арабских стран, подбадривавшая себя громкими, неуверенными возгласами.

Грянувшая музыка и почти погасший свет, прорезаемый синевато – белыми лучами стробоскопов выхватывал причудливые, изломанные фигуры дерущихся молодых людей. Летали пластиковые стаканчики, кто – то поднял стул...

Считать раны и товарищей

Взревевшая неожиданно сирена и яркий свет, ударивший из всех внезапно включившихся ламп, люстр и прожекторов заставили на миг остановиться почти всех, но, если бы не вбежавшие следом двадцать огромных, квадратных охранников это стало бы лишь передышкой. Потому что Тимур уже сидел на Билли верхом, Денис и Зак тяжело боролись «в партере», Егор и Чак бросили карате и сцепились как два кота, разорвав друг на друге майки. Лица Майка и Джо были залиты кровью, хлеставшей из разбитых губ и носов. Анна сверкала заплаканными глазами, а индианка тихо плакала, стоя совсем рядом с нею почти как союзница. Охранники действовали быстро и верно, растащив для начала русских и американцев. Потому что остальные участники внезапной битвы остановились сами больше удивленные, чем разозленные своим столкновением. Правда, очередная мгновенная и громкая война израильтян с арабами у эстрады какое-то время ещё длилась, но вскоре и там был установлен как всегда хлипкий и временный мир.

Вечер и ночь были окончены. Ди-джей, качая головой с наушниками выключил аппаратуру и горестно склонился над разбитой колонкой. Охранники тактично, но убедительно показали всем на выход, так же твердо усадив на стулья русских и американцев и поставив перед ними пару аптечек. Вскоре десять человек под присмотром пяти охранников остались в разгромленном зале одни. Впрочем, никто, судя по всему, не собирался устраивать «крутых разборок» как предположил Денис. Скорее наоборот. Две ловкие официантки поставили на столы кофейники и чайники, расставили чашки и сладости и скрылись в кухне.

«М» – версия

Михаил, вытирая кровь салфеткой, давно уже заметил, что всем этим странным действием руководил смутно знакомый мужчина в черном, изредка мелькавший на втором этаже между колоннами. Он отдавал команды охранникам, в ушах которых были небольшие микрофоны. Оставалось ждать чем все это закончится, логично подумал Михаил и принялся за кофе. Горячий напиток разъедал разбитые губы, но возвращал ясность мыслям. Американцы только теперь вспомнили о своей толерантности и законопослушности, притихли, приводя в порядок свои лица и одежду, насколько это было возможно. Очень кстати было то, что вскоре им принесли белые – русским и черные – американцам куртки на манер бейсбольных тужурок. На куртках, вместо обычных названий и эмблем, не было ничего, кроме полукруглой нашивки на груди. По-английски на ней было написано: «М» версия». Наверное, спонсоры, подумал Михаил и надел куртку поверх рваной рубахи. Его примеру последовали все, кроме Анны. Американцы также облачились в свои черные куртки, не исключая и девушку-индианку.

Как будто ожидая этого, среди колонн вновь появился неизвестный мужчина и махнул рукой. Охранники тронули за плечи капитанов и показали им вверх, где мужчина кивнул головой, подтверждая свое приглашение. Джо и Михаил начали подниматься по лестнице к двери, за которой только что скрылся мужчина в черном.

Статья четвертая Остров Бали

Хозяин турнира. Уже знакомые Михаилу мужчина и женщина предлагают двум командам подписать контракт на новую игру. Вариант беспрюирышный...

Наверху

Джо первым, а за ним и Михаил, прикладывая салфетки к все еще сочащимся кровью ранам вошли в двустворчатые двери, за которыми оказалась зала роскошного номера. Апартаменты напомнили Джо «Президентский номер» отеля в Майами, где они когда-то провели всей семьёй одну ночь на Рождество. Михаилу же антикварная – или искусно и искусственно состаренная – мебель, золоченая отделка колонн и огромное окно во всю стену не напомнили ничего. Потому что в таких номерах он никогда не бывал. Самым сильным впечатлением от обстановки до сих пор оставался – да и всегда будет, подумал он – Андреевский зал Кремля, где они с мамой были четыре года назад. Когда получали орден, которой уже некому было носить.

Тяжелые воспоминания почему-то успокоили его и, посасывая кровоточащую губу, он шагнул за Джо, старавшимся держаться уверенно, но явно взволнованным. Ещё бы, – с иронией подумал Михаил – драка и разгром отеля на банкете после Чемпионата Мира! Это круто! Представляю, как сейчас корейская, японская и прочая компьютерная братва уже выкладывает фотки и видео в Сеть и там нащелкиваются миллионы просмотров и лайков. Название, типа, такое: «Битва после сражения» или «Реальная контратака». «Real Counter strike».

Отпущение грехов

Звучит, скептически ухмыльнулся Михаил, но мужчина, вставший им навстречу из глубокого кресла, как будто отвечая обоим капитанам сразу весело произнёс на английском:

– Недурственная вышла битва! Но вас, капитаны, я прошу не волноваться. Последствий не будет. В смысле возмещения ущерба отелю, не говоря уже о моральных, имиджевых и прочих убытках. У хозяина как заведения, так и турнира, а им в одном лице является ваш покорный слуга претензий нет. Прошу садиться и, как говорится, расслабиться. Но ненадолго. Потому что разговор нам предстоит серьезный.

Джо тут же с облегчением опустил в другое кресло, поменьше размером, а Михаил почему-то насторожился еще больше, разглядывая мужчину. Только теперь он отчетливо понял, что стоящий перед ним знакомец ему именно что знаком. Память тут же услужливо подсказала зрению, добавив сладковатый аромат сигаретного дыма. Сомнений не было: это тот, «с пляжа», нестати преобразовалась в шутку серьезная изначально мысль.

Он сел в кресло и, не стесняясь, оглядел мужчину с ног до головы. Легкие брюки и «гавайка» исчезли, лишь цвет безупречного костюма оставался тем же. Чёрным. Как и рубашки, короткий воротник которой нарочито-небрежным узлом, но намертво перехватывал иссиня-чёрный не широкий, но и не шнурком галстук. Никаких украшений, за исключением платиновых – наверное – запонок на манжетах и тонкой булавки с желтым камнем в галстук мужчина не носил. Даже обычный прикол всех богачей – часов известных марок, «скромных» в своей немислимости цен на руке у него не значилось. Бородка и густая, идеально уложенная шевелюра темных, как вороново крыло волос в сочетании с матово-бледной кожей дополняли изысканный облик незнакомца. Возраст определить было труднее, поэтому Михаил оставил

его в вилке от сорока и до шестидесяти. Джо также наблюдал за мужчиной, делая это не так открыто, но все же четко отмечая все детали.

Незнакомец выдержал паузу и многозначительно произнес:

– Что же... Визуальный контакт, будем считать, произошел, внешний осмотр закончен, пора поговорить о деле.

Он грациозно опустился в свое кресло и закинул ногу на ногу. Блестящие носки туфель со шнурками отразили желтоватый свет большой хрустальной люстры. Михаил с неожиданным удовлетворением отметил, что брючина не оголила, как обычно у американцев, ногу над носком, а показала только сами длинные, черные носки и ничего более. Михаил не любил полуспущенных носков.

Полный сбор

Джо, судя по всему, было наплевать на такие мелочи. Он готовился к серьезному разговору, но незнакомец неожиданно встал и застыл, вглядываясь куда-то за их спины. Капитаны одновременно обернулись на шорох. В комнату почти неслышно вошла женщина в белом сари, расшитом тонкими золотыми нитями. Джо тут же подскочил. За ним встал и Михаил. Женщина, пройдя мимо них, остановилась у окна и повернулась к ним лицом. Русский локон, выбившийся из-под легкой накидки одеяния. Синие, как озера глаза. Идеальные и грустные черты лица... Описать и запомнить ее невесомый облик было невозможно. А тем более передать, даже на холсте – миг пролетело у неплохо рисовавшего Михаила в голове. Неосязаемая красота... Джо ощутил явное неудобство под ее взглядом и опустил глаза.

Хрупкая, прозрачная фигура выделялась на фоне ночной черноты за окном, как предвестник скорого утра. Женщина кивнула им и застыла, сложив руки под грудь. Мужчина быстро сел, за ним Джо, последним опустился на место и Михаил. Очередная встреча уже совершенно его не удивила. Он ждал ее. Голубые глаза и русые волосы дамы, стоявшей у окна, печально опустив голову к одному плечу только окончательно закрывали занавес сегодняшних встреч. Или открывали его для новой сцены спектакля.

Незнакомец принял свою прежнюю позу в кресле и кивнул:

– Что же, теперь все в сборе. Пора начинать. Дело заключается в следующем. Мы... – он несколько замялся, как будто ища нужные слова, а женщина загадочно улыбнулась, – Хотим предложить вам, господа капитаны, поучаствовать в одном проекте. Серьезном. Для этого, собственно, вы сюда и приглашены.

– Простите. Вы забыли представиться. И представить даму. Мы не можем разговаривать с людьми, имен которых не знаем. Еще раз прошу нас простить, – неожиданно твердо произнёс Джо, покосившись на Михаила, который не дрогнул ни одним мускулом в поддержку заявления американца, но спокойно смотрел в лицо мужчины, как бы подтверждая правоту своего оппонента.

– Вы совершенно правы, мистер Фэйхи. И вы, мистер Ваганов, тоже, – кивнул незнакомец и перестал им быть лишь отчасти, приподнявшись в кресле и произнеся, – Зовите нас просто Куратор и Дама. На возможные вопросы мы не ответим, так что вам придется удовлетвориться этой информацией. Окей?

Джо пожал плечами, Михаил встретился взглядом с Дамой, но Куратор уже перешёл на ледяной, деловой тон:

– На этом церемонии закончены, господа, и пора перейти к делу. А оно заключается в следующем. Это чемпионат, как вам известно, несколько отличался от всех подобных турниров. Думаю, вас это удивило и заинтересовало с самого начала. Не так ли?

Турнир вне плана

Куратор был прав. В планах «Всемирной ассоциации компьютерных игр» этот ноябрьский турнир не значился. Отбор проходил по странной системе, что и дало возможность не таким уж опытным командам, какими являлись «бригады» Михаила и Джо попасть сюда, на Бали. Михаил задавался этим вопросом не раз ещё в Москве, когда получил несколько электронных писем от капитанов «топовых» российских компьютерных команд с обвинениями в том, что они – «высочки» и «использовали влияние отца Дэна». Компьютерщики легко докопались до подноготных каждого члена его команды и, как им казалось, нашли «действительную причину». Отвечать было нечего, оправдываться не в чем. Ни того, ни другого он делать и не стал. Джо заерзал в кресле, давая понять, что такие вопросы тревожили и его, но Куратор продолжил:

– Хорошо. Дело в том, что спонсором данного турнира являюсь именно я. Моя корпорация. От начала и до конца. Но я далеко не меценат и не благотворитель. Рынок компьютерных игр, который сейчас занят известными электронными гигантами вызывает мой живой, я бы сказал, интерес. За ним будущее. А где будущее и гигантские прибыли, там намерен быть и я. Я доходчиво объясняю, господа капитаны?

– Вполне! – кивнул Джо, плохо скрывая деловой азарт, который всегда охватывает деятельные натуры при встрече с тем, кто может его удовлетворить, имея большие деньги. Либо что-то предложить. Сотрудничество. Работу, в крайнем случае.

Михаил молчал, с интересом рассматривая настоящую «акулу бизнеса», как принято говорить в штампованном кино. После нескольких встреч-разговоров с отцом Дениса – «щучкой отечественного предпринимательства», как называл его в шутку сын, он понял, что этот «экземпляр» отличается разительно. Он ждал продолжения спокойно, хотя и его пульс участился.

Новая игра

Куратор улыбнулся, довольный произведенным эффектом, и продолжил:

– А раз так, то дальше ходить около не будем. Для выхода на рынок я должен предложить прежде всего самим пользователям, то есть игрокам нечто привлекательное, новое, чего еще не было. Это закон жанра. Или же нечто глобальное. Лучше – сочетание этих двух факторов. В результате остальным конкурентам придется для начала подвинуться. Ну а дальше – дело обычное и привычное: занял нишу – расширяй до окна и так далее. Я, знаете ли, люблю широкие окна.

Мужчина небрежно показал за спину, где женская фигурка неслышно повернулась к ним спиной, вглядываясь в начинающую сереть темноту. Маленькая и воздушная на фоне огромного окна-панорамы.

Вопросов не последовало, и Куратор продолжил:

– Такой продукт – новая игра – практически разработан. С её запуском прорыв, настоящий прорыв, подчеркну, на рынке игр обеспечен. И все было бы хорошо у меня, а вас бы здесь сейчас не было, если бы не одно «но». А именно... Права на игру я оспариваю у Дамы, и она уступать мне эксклюзив не намерена. Обычный конфликт идеи и производителя, так сказать. Пресловутое авторское право. Мой оппонент не согласен с некоторыми условиями, которые я предполагаю заложить в основу данного продукта. И противоречия эти представляются неразрешимыми. По крайней мере пока.

Михаил посмотрел на фигурку у окна, перевел взгляд на уверенного Куратора и подумал о том, что на его родине такие вопросы решаются быстро и без всяких прелюдий. Деньгами,

которых, судя по всему, у Куратора было в избытке. Точнее, правильным их использованием. Вложением.

– Я думал, вы партнеры, – не удержался Джо.

Куратор улыбнулся саркастически и спросил Михаила:

– А Вы, мистер Ваганов? Тоже так думали?

«Мистер Ваганов» вздохнул и проворчал:

– Я за эти два дня о чем только не думал. Но ваши взаимоотношения не заняли в моих мыслях большого места, мистер Куратор.

– Вы на редкость рассудительный и одновременно откровенный молодой человек, мистер Ваганов, – откинулся в кресле Куратор.

Неразрешимые противоречия

Михаилу показалось, что сей спич был адресован не его словам, а промелькнувшим мыслям, но хозяин отеля и положения уже продолжал:

– Теперь я начинаю понимать выбор оппонента. Нет, мы не партнеры, но знаем друг друга уже очень давно, мистер Фэйхи, а потому наши разногласия решаем взаимно... не то что бы выгодным, но устраивающим путем. Переговорами. Вот и сейчас мы пришли к следующему заключению. Раз мы не можем договориться в плане неких основ игры, то необходимо просто-напросто выяснить, чьи постулаты, так сказать, плодотворнее и какие, собственно, плоды они принесут. Отказаться от игры никто из нас не собирается значит, нам необходим некий третейский судья. Или судьи. И это именно вы, господа капитаны, вместе с вашими командами. Будем считать, что мы просим вас о помощи в этом нелегком деле. В этом споре, наконец. Результатом будет сама игра, в смысле, кому из нас она в итоге будет принадлежать и приносить то, что она должна приносить.

Пауза, в ходе которой женщина у окна повернулась к ним лицом и внимательно наблюдала за тем, как капитаны впервые за все время встретились друг с другом взглядами, надолго не затянулась. Потому что Куратор торопил события. Он продолжил отрывисто и по деловому:

– Итак, не стоит думать, что ваша роль именно в том, чтобы ответить на наши вопросы и решить, кто прав, а кто нет. Это, в конце концов, смешно. Для таких задач существуют тысячи аналитиков и экспертов. Нас же в этом проекте интересует практика. Вы должны будете участвовать в «пилотном» выпуске самой игры, которую мы намерены провести через три месяца. И вы в ней, как и здесь, будете противниками. Только одна команда будет играть по тем принципам, которые я хочу заложить в игру, а вторая – по тем, какие отстаивает мой оппонент. Общая же стратегия, правила, проведение и результат игры останутся неизменными для обеих команд. Вопрос в том, согласны ли вы? Да или нет?

«Пилотный» выпуск

На этот раз пауза не затянулась, потому что Джо заявил:

– Все это только общие слова, мистер Куратор, из которых ясна лишь одна сторона проекта. Насколько я понимаю, именно его реклама на наших куртках: «М» версия»? Но этого крайне мало для принятия решения об участии в нем. Вы не находите?

– Я весь внимание! – весело воскликнул Куратор, доставая из шкатулки коричневую сигарету и прикуривая от золотой зажигалки, не забыв жестом спросить разрешения у Дамы. Та, впрочем, никак не отреагировала, продолжая наблюдать за капитанами.

Джо открыл рот, но Михаил перебил его, наклонившись вперед и обращаясь к Куратору:

– Насколько я понимаю, именно Вы являетесь инициатором такой проверки проекта, а Дама вынуждена идти на такой шаг?

– Русские неисправимы! – хохотнул Куратор, но тут же перешёл на серьёзный тон, – Вы правы, но не нужно представлять моего оппонента в роли жертвы, капитан! Она так же, как и я, ни в чем не нуждается. Во всех смыслах этого слова. И ей никто не угрожает. Мы не в России девяностых и «банды Нью-Йорка» здесь тоже по улицам не бегают. Так что рыцарские и прочие жалостливые чувства не должны быть для вас руководством к действию, а желание кого-то защитить перевесит деловую сторону вопроса. Думайте о себе и о своей команде. Речь идет о честном споре, который разрешается цивилизованным путем и по взаимному согласию сторон.

Черное и белое

И ещё одно: по цвету ваших курток и нашему виду вы уже поняли, что куратором команды мистера Фэйхи буду я, а Дама будет опекать вас, мистер Ваганов. Но, чтобы было окончательно ясно: деньги плачу именно я. За весь проект и за ваше участие тоже. Потому именно я и выбирал команду первым. Даме же оставалось выбрать из остальных, проигравших. Что она и сделала.

По лицу Джо скользнула самодовольная усмешка, не укрывшаяся от Михаила.

– Это правда, – тихо, но внятно произнесла женщина, улыбнувшись Михаилу.

– Я слушаю Вас, мистер Фэйхи, – обратился Куратор к Джо, но Михаил снова перебил его:

– Я согласен, только... Если речь идет о команде, то мне нужно будет посоветоваться с остальными.

Куратор, не скрывая удовлетворения, прикрыл свои темные глаза и выпустил пряный дым, а женщина снова отвернулась к окну, за которым занимался, разгоняя остатки фиолетовой ночи голубоватый восход, подсвеченный откуда-то из океана оранжевым краешком встающего над водой солнца. Выражения ее лица после своего согласия Михаил не уловил, и его уверенность пошла на убыль. Но слова были сказаны...

– Вы еще не слышали условий, а уже согласны? Опрометчиво, молодой человек, но... Раз вы приняли решение, то вы его приняли. Мои поздравления Даме. Похоже, у нас с мистером Фэйхи будет достойный противник. А команда... Конечно. Ведь Вам нужно не только посоветоваться, но и подписать с каждым приложение к контракту, капитан, – веско закончил Куратор.

Условия контракта

Джо, которому наконец – то удалось вклиниться в разговор, быстро произнес:

– Я настаиваю! Первое – условия нашего участия. Второе – правила игры. Третье – договор.

– Что ж, все верно и по сути и по форме. Деловой подход победителя. Я тоже не ошибся, смею надеяться, – Куратор метнул одобрительный взгляд в сторону Джо, – Итак: две команды по пять человек. Состав – только те, кто играл здесь. Если кто-нибудь откажется, будете играть в усеченном составе. Правила игры станут вам известны сразу же по прибытии домой. Приходить к вам они будут в несколько этапов. В этом есть свой смысл. Позже вы поймете. Никакого дополнительного оборудования и прочих технических премудростей от вас не требуется. Все заложено в программное обеспечение и будет предоставлено вам по условиям игры. Все остальные расходы оплачиваются самими командами. Вот, вкратце, условия и правила. Договор? Я предпочитаю называть его контрактом, если не возражаете. Или даже если возражаете. Его сейчас принесут. Что-то еще?

– Конечно! – начал было Джо, но Куратор прервал его коротким жестом, потому что в комнату вошел худощавый, смуглый мужчина лет тридцати с двумя кожаными папками в руках. Его лицо несколько напоминало собачью морду. Он быстро передал белую папку Михаилу, а черную Джо и бесшумно вышел. На каждой папке была уже знакомая аббревиатура игры, а в корешок вставлены золотые ручки. Куратор жестом пригласил капитанов открыть папки, а сам откинулся в кресле и прикрыл глаза.

Приложения к контракту

Михаил открыл папку, где на английском и на русском – очень кстати – отметил он, потому что говорить на неродном языке это одно, а читать юридические документы, это совсем другое, был написан контракт. Короткий текст на одной странице не содержал ничего нового или двусмысленного. Внизу значилась его фамилия и дата. Впрочем, к контракту прилагались еще два листа. Первое – приложение, где были фамилии членов его команды и места для их подписей интереса тоже не вызывало, а вот второе... Пробежав глазами текст и цифры, Михаил повернул голову и встретился взглядом с Джо. Тот, быстро спрятав торжествующее удивление, прищурил глаза и немедленно поставил свою подпись. Михаил задумчиво закрыл папку, не подписывая, встал и вышел из комнаты. За ним почти побежал Джо. Куратор все так же неподвижно сидел в кресле с полужакрытыми глазами, а Дама у своего окна застыла белой статуей.

Джо вернулся через несколько минут и положил папку на маленький столик справа от Куратора. Тот никак не отреагировал и позы не изменил. Джо тихо сел в своё кресло. Время шло, а русского капитана все не было.

Перейти Рубикон

Наконец, через двадцать минут, появился и он – бледный и решительный. Михаил положил папку поверх черной Джо, быстро расписался на первом листе контракта и остался стоять. Куратор очнулся в своем кресле, встал и, не проверяя ничего, церемонно склонил голову.

– Контракт подписан. Прощайте, господа капитаны.

– До свидания, Михаил, – тихо прошептала женщина от своего окна, не оборачиваясь, словно была не в силах оторваться от созерцания утреннего солнца, озарившего сине – зелёные воды океана своим ласковым, жёлто – оранжевым светом.

Статья пятая Рейс Бали-Москва

Сомнения русской души и реальность бытия. Про условия контракта. Кто есть кто в команде Михаила: Тимур и Дэн, Анита и Гор.

Из рая домой

«Боинг» тяжело и плавно оторвался от казавшегося белым асфальта взлётно-посадочной полосы аэропорта со звучным для русского уха названием Нгурах-Рай и медленно, но неуклонно стал набирать высоту. Надоевшее за неделю солнце будто на прощание нанесло через иллюминатор яркий удар по глазам Михаила, и он резко прищурился. Саднящая боль под левым глазом, украшенным уже начавшим желтеть синяком тут же отдалась в скулу. Он резко опустил отозвавшуюся глухим пластиковым стуком задвижку окна, перекрыв солнцу направление атаки, и откинулся в удобном кресле. Солнцезащитных очков Михаил терпеть не мог и не носил. Ему казалось, что мир необратимо меняется в их затемнении, перенося его в другую, параллельную реальность. Потому и ходил, светя «фонарем» весь день, вызывая насмешки Дениса и ловя на себе понимающие взгляды уставших от отдыха российских туристов.

Раны физические и похуже

Впрочем, его команда, за исключением Анны, выглядела не многим лучше хотя и не так вызывающе. Денис, потянувший в схватке спину – старая борцовская травма-сидел, скобочившись, пытаясь найти удобное положение в кресле. Тимур, с перевязанным бинтом запястьем и ссадиной на скуле задумчиво устался в спинку кресла. Егор, с царапинами на левой щеке закрывался журналом «Компьютерные игры». Лишь целая и невредимая – по словам Дениса – Анна сидела прямо, но на лице ее была написана такая тоска, которая наводила на мысль о том, что физические раны заживают быстрее.

Оглядев таким образом всю команду Михаил отвернулся к иллюминатору, за которым уже клубились пышные облака, а зелень внизу стала похожа на неясные, бурые пятна. Он закрыл глаза зная, что уснуть не удастся. Как не удалось вздремнуть все это время – с раннего утра и до вылета. Хотя пара попыток были, но... Мысли уже не летели беспорядочными стрелами в разных направлениях и к разным целям, а выстраивались друг за другом, цеплялись крючочками друг за друга, цепочкой вели друг друга куда-то. К какой-то цели. Вот ее-то и пытался определить Михаил. Потому что пора ее уже было наметить. Слишком серьезно все вырисовывалось теперь, когда окончательные условия контракта стали ясны и понятны всем. И так всех обрадовали. Действительно. Беспроигрышный вариант – что может быть лучше? Именно это и настораживало Михаила. Именно это.

Бесплатный сыр XXI века

Когда он вчера коротко рассказал о беседе наверху и о сути предложения, а потом озвучил «Приложение № 2» команде, застывшей в своих пластиковых креслах и забывшей о ранах он, в принципе знал, предвидел реакцию. Оказалось, думал, что знал и что предвидел. Потому что именно реакция его и удивила. Слишком уж явным диссонансом, на фоне радостных выкриков американцев, которыми они в принципе выражали любую реакцию, как на хорошие,

так и на невеселые известия: «Оу, май гад!» и последующих вскоре «О, ийес!» и «Летс Гоу!» стала мертвая тишина, буквально окутавшая «русский стол».

Слова и цифры как будто лежали на нем, придавив его пластиковые ножки к полу. Потому что премия команде-победителю предполагалась в пять миллионов долларов США и еще пять – лично капитану команды. Проигравшие же получали миллион на всех. Все честно и четко. Труд должен быть оплачен. Ведь и побежденные вносили его на «алтарь» продвижения проекта, опровергая свои поражением те или иные правила и основы будущей игры. Но первое удивление вскоре прошло. Задвигались Егор и Тимур, взяла в руки приложение Анна, еще раз перечитывая. Дело пошло...

Мужские решения

Что и подтвердил Денис, первым прочитавший контракт через плечо Анны и строго спросивший у капитана:

– Ну и в чем проблема, кэп? Дельное предложение, стандартный контракт, справедливые условия. Это я тебе как студент третьего курса юридического говорю. И как сын своего отца тоже. Почему сам еще не подписал?

– С вами хотел посоветоваться... – пробормотал Михаил.

– А че тут советоваться, если каждый подпись ставит? Вот тебе, например, мой совет, – Денис вынул золотую ручку из корешка папки и поставил подпись под своей фамилией, продублировав ее же полным написанием той же фамилии и инициалов. После этого он посмотрел на часы, поставил дату и время и откинул листок на центр стола.

Мимо них, оставив за столом шумную, радующуюся команду быстро прошел Джо с папкой в руке и бодро заскакал вверх по лестнице. Тимур вздохнул и, подрагивая пальцами, расписался. За ним лист перешел к Егору, который минуту молча сидел и смотрел перед собою. Потом он обвел всех взглядом, но не ища поддержки как сначала показалось Михаилу, а неожиданно тяжелыми, потемневшими глазами. Как будто оценивая всех. Потом он решительно подвинул к себе листок и твердо поставил свою подпись.

Женские тревоги

– Я не стану подписывать! – неожиданно заявила Анна и опустила голову.

– Глупо... – начал было Денис, но Тимур положил ему руку на плечо и тот замолк.

Михаил подошел к Анне вплотную, подвинул к ней листы контракта и тихо сказал:

– Анечка, мы тебя уговаривать не собираемся. Ты нам очень нужна, но решать тебе и только тебе. По условиям ты или с нами, или мы просто остаемся вчетвером. Поэтому мы посидим и помолчим, а ты подумай, ладно? Не спеши. Сколько нужно, столько и решай. Пошли, братва!

Он увел всех к эстраде, где они и разместились на ступеньках, наблюдая за возбужденными американцами и застывшей на своем пластиковом стуле Анне. Говорить им тоже было не о чем. Радоваться почему-то не хотелось. Так и прошли десять минут, пятнадцать...

Война и деньги

Самолет трянуло в такт погасшей на табло просьбе-приказу «пристегните ремни» и Михаил откинул тяжелые пряжки в стороны, встретившись взглядом с Анной. Впрочем, смотрела она сквозь него, как и тогда, когда подписала контракт и неожиданно улыбнулась, сняв со всех тяжесть. Егор и Денис деловито хлопнули друг друга по рукам, Тимур выдохнул,

а сам Михаил ощутил неожиданный прилив сил. Денис, поймав на себе взгляд татуированного Билли показал ему за спиной всем известный знак «среднего пальца» и шумно опустился за стол:

– Молодец, Анюта! Дадим америкашкам пронюхать!

Михаил усмехнулся, вспоминая вытянувшуюся физиономию «мерзкого Билла» и почти мгновенно прекратившееся веселье за столом «америкашек». На войне, как на войне... В прочем, оставался ещё один момент. Самый паскудный. Потому что финансовый.

– Братва, выигрыш делим на всех. Никаких «капитанских» я брать не буду. Так что-по два...

– А давай мы сначала их выиграем, капитан? – твёрдо сказал Тимур, и Михаил почему-то смутился, словно наоборот хотел забрать весь выигрыш себе.

Выручил Егор. Неожиданно резкий и непреклонный:

– Тимурчик, ты хорош сейчас тут серьёзность показывать, лана? Миха правильно говорит: все должно быть изначально ясно. Забрал бы себе – никто слова бы не сказал, а раз так решил – честь ему и хвала. И уважуха тоже. Понял?

– Понял, понял... – примирительно закивал Тимур.

– Ну, раз пошла такая пьянка, то мне моей премии хватит, а с остальными делайте, что хотите! – засмеялся Денис, а потом показал Михаилу рукой наверх, – А вообще-то, кэптэн, ты бы метнулся наверх, да и сам подписал, а потом уж будем шкуру делить. Пока там не передумали, а? А то я на «лимон» уже настроился, если что!

Денис, он же Дэн

Михаил посмотрел на Дениса который, похоже, нашел удобную позу для своей спины и прикрыл глаза, устроив мощные руки где-то под квадратным своим туловом. Вспомнил, как три года назад он буквально уткнулся в спину Дениса, стоявшего прямо посередине зала на кольцевой станции метро и обреченно смотревшего на указатели. В стиле «барана и новых ворот», как позже признался сам Денис. Толчок был тяжелым и, скорее всего, болезненным, но квадратный Денис даже не поморщился, а только ловко и быстро ухватил толкнувшего за локоть. Тот, готовый к худшему – москвичи как известно с утра не отличались тактом, особенно в метро – напрягся, но выражение лица у незнакомца было настолько растерянное, что Михаил сразу успокоился. Оказалось, что пацан тривиально заблудился в «дебрях метрополи-тена».

Хорошо, им было по пути, в МГУ. В дороге и познакомились и схему метро разобрали – по крайней мере, нужный Денису маршрут – и телефонами обменялись. Так и сдружились. Денис оказался спокойным, уверенным в себе, надежным и, что самое главное, абсолютно неконфликтным. Несмотря на комплекцию и разряд по самбо. С деньгами у него тоже никогда проблем не было, при этом он относился к ним с определенным, каким-то западным пиететом, но приправленным чисто русским, нехитрым соусом. Типа сибирского «горлодера», незаменимого с пельменями. Он их, деньги, уважал, но не преклонялся. Почти через год уже выяснилось, что Денис – единственный сын очень богатого бизнесмена. Тогда все и встало на свои места. Вроде бы.

Про отца и деньги

Отец Дениса был мужчиной строгим, удачливым, и, в своем роде, талантливым. За что бы он ни брался-езде добивался определённых результатов и прибыли. Везде. Никуда он уезжать не собирался, по-своему любил свою страну: помогал нескольким фондам, строил храм, парился до одури в бане, ходил на охоту везде где бывал по делам, периодически «зависал»

у каких-то женщин. При этом он на дух не переносил компаний таких же как он – чуть за пятьдесят – «новейших русских». Дав им такое название, он не скрывал своего презрения к этой новой элите выживших в начале, и успевших легализоваться в конце девяностых. Общался он с этим кругом по делам, но в сам этот круг не входил.

Пышные вечеринки, на которых праздновались дни рождения многочисленных детей и внуков, а рожать много среди этой «элиты» стало хорошим тоном, ну кто еще поднимет «эту» страну, как не они! – он посещал максимум на десять минут. Дарил что-нибудь подобающее Сюзаннам, Германам, Каринам или Кристинам и иным «бедолагам», и мигом уезжал. Имена, который были удобны и «тут» и «там», были тоже частью «новейшей» философии. Детки, которые по полгода проводили в Швейцарии или Австрии, Италии или Англии, при любом раскладе обвал, развал, распад или полный крах «этой страны» мог случиться в любую секунду и был любимой темой разговоров «новейших» – были готовы жить в любой точке мира. И имя выбиралось не просто так. И клуб, за который они начинали болеть с детства, был не «Спартак» или ЦСКА, а «Челси» или «Монако». Все было не просто так. Здесь же уже чуток подросшие детки присматривались к сверстникам своего круга. Влюблялись, а родители зорко отслеживали и одобряли.

От всего этого Сергея Семеновича не переставало подташнивать. Рецепт был один. Он работал и работал, ездил, летал... «Вечный движитель» – как-то пробурчал Денис, которому явно не хватало энергии отца. Мать Дениса – молодящаяся брюнетка, до сих пор не пришедшая в себя от оборотистости некогда неказистого мужа, лет пять назад бросила попытки забеременеть вновь и всячески угождала мужу, поэтому на сына ей времени не хватало.

Впрочем, трезво оценивая свой успех, Сергей Семенович своего сына отнюдь не баловал. Наоборот, требовал от того многого. Не всегда справедливо, но зато напористо. Поэтому Денис был вынужден «соответствовать». Помощь отец оказывал редко и неохотно, так что подавляющее большинство студентов – за исключением четверых, летящих сейчас рядом и ректора – не знали о «корнях» Дениса и относились к нему соответственно. Почти как ко всем. Машина с шофёром довозила его до метро, а дальше – своим ходом, в универ. Правда, издержки «бытового» образования были, и к своим восемнадцати годам Денис, владея тремя языками, в метро упорно «блудил». Впрочем, через месяц они с Михаилом и этот его нехитрый недостаток изжили. Поэтому Денис с удовольствием бы козырнул перед отцом как «лимоном», так и в разы меньшей, но уже «железной» суммой в двести тысяч. Заработанной без помощи родителя. Вопрос выживания или острой необходимости в деньгах перед ним не стоял. А, значит, можно было спокойно вздремнуть. Что он и сделал...

Тимур в своей команде

Но были и те, для кого такие деньги – в случае проигрыша даже, не говоря уже о выигрыше – не снились в самых сладких снах. Михаил взглянул на сидящих неестественно прямо Тимура и Егора, откинувшего журнал на столик и обхватившего себя руками.

Тимур, татарин из небольшого посёлка под Йошкар-Олой, не любил распространяться о себе как, в общем, и Егор, но скрывать особенно было нечего. За три года дружбы Михаил узнал, что у Тимура – большая, работающая семья, где каждый рубль на счету. Отправив среднего сына-победителя множества математических олимпиад в МГУ с помощью руководства республики Марий-Эл, они помогали ему, чем могли. В основном, посылками с «хлебом насущным». Поэтому маршрут до Казанского вокзала и обратно в общагу, где жил Тимур, пару раз в месяц был знаком всем мужчинам – членам команды. Как и вкуснейшая конская колбаса, брусничное варенье, квашеная капуста и прочие нехитрые деревенские деликатесы.

Тимур не жаловался, а упорно учился, зубрил, оправдывая доверие и республики и семьи. Порядочный до, как говорил Денис «одури», он был весь какой-то цельный, твёрдый. Как

будто вырубленный из куска того железного дерева, которое в воде тонет. Кроме того, вскоре выяснилось, что мама Тимура по национальности мари, а сам он православный. Причём, как говорится, не по названию и не по моде. Шуток на эту тему он не понимал и не допускал. Мать с отцом – и тут маленькая, обычно незаметная и тихая Валентина Александровна была непреклонна, настояв на своём, к удивлению мужа – решили всё ещё до свадьбы. Дети писали себя татарами по национальности, но были православными. Отец мог назвать сыновей как он хотел, чем он в случае с Тимуром и воспользовался. Иногда, правда, горячая отцовская кровь в Тимуре брала верх, и он вспыхивал, как спичка, что и мешало ему периодически в игре. Сейчас пальцы Тимура на подлокотнике подрагивали, и Михаил понимал, почему... Шанс. И шанс серьёзный.

Егор, он же Георгий

Как понимал он и Егора, уставившегося в иллюминатор, за которым однообразно и тихо плыли шапки облаков. Или надеялся, что понимал. Потому что вряд ли он это мог сделать. Только попытаться... Егор был детдомовцем. Такое советское слово и, тем не менее, какое еще подберешь? При чем детдомовцем при живых родителях. Тогда ещё живых. Отец почти окончательно спился и уже был бы в другом мире, если бы не пьяная, глупая и наивная попытка «занять» денег на пузырь. Обернувшаяся статьёй о грабеже и длительным сроком. Мать к тому времени уже превратилась в злобную, запойную старуху, а после того как муж попал за решетку вообще пропала. Навсегда.

Про отца и микроскоп

Егора, к счастью, забрали из этого домашнего ада раньше, в семь лет. После того, как отец в очередной раз чуть не искалечил мальчика, который в своем уголке деревянного подмосковного домика-развалюхи копался со спорами и корешками. Отец бил, а Егор закрывал маленьким тельцем свое сокровище: старенький школьный микроскоп, подаренный ему учителем биологии – всё равно хотел выбрасывать – на день рождения. Это занятие было единственным развлечением, а оказалось спасением. Потому что уже в детском доме, где его периодически колотили, но все же не так зверски, как в родном, Егор не только научился давать отпор таким же бедолагам, каким был сам, но и раскопал что-то, возможно, важное. Теперь он, со своими клетками, плесенью и вершками-корешками уже был «на карандаше» у нескольких лабораторий, где его ждали после окончания биологического факультета МГУ, а пока что проводила проверку некоторых данных, полученных им. Одна из лабораторий даже перечисляла на счет Егора небольшие ежемесячные суммы, что было ох, как кстати. Ох, как...

Егор и его квартира

Все это выяснилось, когда встал, и как всегда был почти засыпан ворохом бумаг вопрос о предоставлении жилья Егору по совершеннолетию. Как детдомовцу. По закону. Сумрачный Егор, который к тому времени уже стал неотъемлемой частью команды, «раскололся» под напором Дениса и Анны. Остальное рассказала воспитательница детдома – усталая пожилая женщина с большими руками и сердцем, почти затвердевшим от каждодневной «работы» с такими, как Егор, детьми и творящейся потом несправедливости. Денис, как будущий юрист, быстро собрал все бумаги. Подключили еще нескольких знакомых и даже преподавателей. Подписали бумагу у ректора и профкома, ходатайство от факультета и той самой лаборатории. Все было красиво, правильно и, главное – по Закону. И именно поэтому все было как «в вату». Сред-

них лет молодящаяся особа в администрации подмосковной Балашихи, где Егору и должны были дать квартиру, только загадочно улыбалась в ответ, принимая их идеальные документы. И время в ее кабинете снова останавливалось на месяцы.

Дышло и закон

Так продолжалось больше года, пока в дело не вступил отец Дениса. С присущей ему «грацией слона в посудной лавке» – уважительно хмыкал его сын. Заинтересовавшись мимоходом делами отпрыска, Сергей Семенович быстро, но внимательно изучил документы, подготовленные Денисом, а потом перекинул их своему юристконсульту. Тот отметил грамотность и основательность работы начинающего коллеги. Отец неопределенно кивнул и отдал документы обратно Денису, не сказав ни слова.

Через три дня, когда вся компания в очередной раз выходила после бесполезного визита к загадочной чиновнице, у входа в администрацию плавно притормозил черный «Мерседес». Из кожаного салона которого, в сопровождении бледного, готового к схватке юриста выкатился Сергей Семенович, кивнул компании и пошел в кабинет. Попутно выпроводив оттуда очередную команду жалобщиков и не удостоив ответом остальных бедолаг-просителей в очереди о том, почему он идет без нее, без очереди.

Что говорил Сергей Семенович чиновной даме за дверью в течение полутора минут осталось тайной, но юрист, еле поспевавший за ним обратно к машине, хитро подмигнул Денису. Что же касается бледной, как бумажные листы, лежащие перед нею на столе и уже совсем простой, а не загадочной чиновнице, то она только повторяла, как заведенная:

– Что ж вы сразу не сказали, молодой человек... Что ж вы сразу – то.

И перебирала что – то в ящике бесцельно и открывала с грохотом сейф дрожащими, ухоженными руками...

В гроб ипотеку!

Через две недели вся компания праздновала новоселье в новой однокомнатной и пустой квартире почему-то не в Балашихе, а в Домодедово.

– Система взаимозачётов – туманно намекнул Денис, но всем, включая молодого хозяина тридцатипяти метрового сокровища было решительно всё равно. Пусть и была она на двенадцатом этаже, а лифт не работал. Неважно.

Через месяц она уже была если не обставлена, так заставлена мебелью. В России у каждого найдется – в гараже ли, на даче, а то и на балконе – что-то старое и ненужное. Ненужное, но вполне приличное. И «хата» быстро приняла нормальный жилой вид. Отдарились кто плитой – Денис, кто микроволновкой – Михаил, кто стиральной машиной – Анна, а кто и тривиальной – Тимур – раковиной. Отновоселились-отвеселились...

С тех пор Егор почти никогда не оставался в гостях, как раньше, а спешил домой. К себе домой.

– И в гробу мы видали эту ипотеку! – тяжело шутил Денис, а Егор тихо, счастливо улыбался.

Когда не сложилось...

По салону засновали стюардессы, предлагая соки и воду. Анна заказала, конечно, яблочный. Михаил взял стаканчик с минеральной водой и приложил его, пока холодный, к глазу. Анна заметила и грустно улыбнулась. Михаил тоже улыбнулся в ответ и отвернулся. Тихое,

но, как говорил Егор, отчетливое расставание с нею еще тревожило, не давало покоя. Хотя, видимо, все к тому и шло. До серьезных чувств они дотянуться не смогли. Может быть, оба были не готовы или... Неожиданно Михаил обрадовался, что не дошло до постели. Все равно ничего бы уже дальше не было, а так можно было перейти на такие же отчетливые приятельские отношения, не жалея о чем-то и не вороша воспоминания, как они встретились на одной из вечеринок, разговорились, потянулись друг к другу. Но не притянулись.

Хотя Михаил пару раз даже был у нее дома – в опрятной «трешке» на Дмитровском шоссе, познакомился с родителями и братом – малолетним шалопаем. В общем, все у Анны было в семье нормально и даже хорошо. «Без драм» – как она сказала. Так и у них – без этих самых драм. Анна была какая-то... холодноватая, а иногда даже покрывалась, как ему казалось, инеем. А у Михаила не хватило тепла и жара, чтобы растопить этот ледок. А вот у Джо хватило. Может, это и к лучшему – почти без ревности решил он.

Он выпил минералку и неожиданно ощутил тупую, тяжелую сонливость: бессонные и нервные двое суток дали о себе знать. Михаил откинулся на спинку и почти мгновенно уснул, не заметив, как Анна жестом показала стюардессе, а та тихо укрыла его пледом. Просто стало тепло и уютно, как у деда когда-то, в детстве. К нему сначала заеду – подумал Михаил остатками сил и провалился в сон. Где у огромного, во весь горизонт окна стояла хрупкая женская фигурка в белоснежном сари с золотыми нитями, где тихо звучали слова: «До свидания, Михаил».

– До встречи! – произнёс он вслух и Тимур, обменявшись понимающей улыбкой с Егором, тоже закрыл свои тёмные глаза.

Статья шестая

Рейс Бали – Нью-Йорк

Особенности американского менталитета в процессе дележа шкуры, хозяина которой еще никто не убил. Контракт есть контракт. Кто есть кто в команде Джо: Билли и Зак, Эмми и Чак.

Без зарплат и получек

Джо был в состоянии возбужденной задумчивости. Привычка раскладывать мысли по полочкам, прятать в кладовочку воспоминания и соображения, как герой в романе его любимого Стивена Кинга «Ловец снов», сегодня не помогала. Самолет мерно гудел, казалось, не двигателями в крыльях, а самим брюхом. Прямо под его ногами. Все уже спали, лишь Билли, сидящий в соседнем ряду и мерно покачивавший головой в наушниках, о чём-то угрюмо думал. Радость уступила место усталости и удовлетворению от хорошо выполненной работы. Это качество, уже почти перешедшее в одно из чувств американцев, позволяло им ощущать себя людьми, делающими нечто значительное. Будь ты дворник, рыбак или менеджер. Если ты «хорошо выполнил свою работу» – ты достойный член общества и тебе положена за это компенсация. В виде оплаты по контракту или бонусов. Слова «зарплата» и тем более «получка» в Америке не употреблялись. Договор, контракт – это все дельное, цельное, реальное. Остальное – для спортсменов и прочих вершителей зрелищ. Для тех же, кто делал «хлеб» к этим зрелищам все было просто и ясно, по договору и подписи. Поэтому все пятеро восприняли новость о возможности заработать по новому контракту очень даже приличные деньги с американской незамысловатой радостью, переходящей в почти генетическое чувство того, что они это заслужили.

Деловые подходы

Не думая даже стесняться, они сразу же быстро прокалькулировали возможную прибыль, логично раскидав по двести тысяч на каждого в случае проигрыша и по миллиону при победном итоге. Вторая цифра была в пять раз больше. Следовательно, нужно было побеждать. Иного результата никто даже не рассматривал. Американцы должны выигрывать всегда – так их учили с детства. Так они и сделают. Ни один даже не задумался над тем, чтобы поделить десять миллионов на всех и предложить этот расклад Джо. Впрочем, и самому Джо такая мысль не пришла в голову. Не могла она прийти. С чего бы? Он капитан. Вот контракт. Вот его сумма, вот сумма для остальных. Кому-то не нравится? Пусть переживает это молча, и работает за свои деньги. Раз все поставили свои подписи, то все со всем согласны. Вопрос закрыт.

Доля капитанская

Правда, закрыт вопрос был для остальной команды. А для капитана он как раз только открывался. Потому как все, согласившись с условиями, тут же делегировали ему и долю ответственности, согласно тем же цифрам возможной прибыли. Никто на себя не собирался брать лишнего. Большая прибыль – большая ответственность. Соответственно контракту. Все логично. Это Джо понимал теперь вполне реально и начинал нервничать. Билли кинул на него взгляд, прищурился и отвернулся.

Джо хотел подпереть щеку рукой, но тупая боль в десне заставила его положить голову обратно. Зуб, похоже, придется удалять, подумал он, трогая языком шатающийся клык. Защищенная бровь тоже напомнила о себе, и Джо снова почувствовал глухую злобу, накатывающую на него при воспоминании о русском капитане. На вид ничего особенного, а в драке не уступившему мускулисту капитану американцев. Но дело было даже не в этом. Удача в драке тоже нужна, и кто знает, как бы повернулось, если бы их не растащили...

О варварах и боевых заслугах

Не в том дело. Насторожило другое. Русский, похоже, собирался стоять «на смерть». А такая упертость встречалась Джо редко. Обычные стычки со сверстниками заканчивались быстро. Самые на вид «крутые» парни, будь они белыми, темнокожими или мексиканцами, неважно, вот так держаться до конца не собирались. Никому не хотелось хождения по адвокатам и записей в свои университетские карточки. От этого зависела карьера, и марафет ради мазней ради победы в драке? Того не стоит. Русского, похоже, эти варианты нисколько не трогали. Драться, так драться... Варвар – фыркнул Джо про себя и неожиданно стал сам себе неприятен.

«Варвар», плюс к своей неуступчивости в драке, в совершенстве знал его, Джо, родной язык. К примеру. И вообще, Джо давным-давно, с глубокого детства, занимала тема Советского Союза, а потом и России. Когда его дед, надевая матросский берет со смешным помпоном и толстовку с маленькими, почти игрушечными американскими медалями заботливо поправлял большую, висевшую последней и становился моложе на глазах. Маленький Джо каждый год неизменно спрашивал, а дед так же ежегодно рассказывал, поглаживая серую муаровую ленточку с тонкими желтыми полосками по краям. Серебряная круглая медаль с надписью на русском и перекрещенными винтовкой со штыком и саблей, мерно покачивалась в такт его словам.

На Второй Мировой дед был матросом на эсминце и сопровождал караваны с грузами по ленд-лизу в русский незамерзающий порт Мурманск. Ему повезло: три похода его корабля закончились благополучно. А об остальных, которым не выпала такая удача дед не рассказывал, а только угрюмо молчал. Медаль пришла уже после войны, и дед гордился ею особенно, а о русских говорил всегда со сдержанным достоинством воина, уважавшего несгибаемое упорство, которое одно только и могло сломать хребет нацистам. И с удивлением. И с завистью. Которые он пытался скрывать, но получалось плохо.

«За боевые заслуги». – легко вспомнил Джо название медали и вздохнул, – Судя по всему, эти не уступят. Да и приз... За такие деньги не то, что в России – где, по всему, такие деньги мало кому даже снились – и в Америке любой сделает многое, если не все. Вот именно, если не все – подвел итог Джо, вновь встречаясь глазами с главной «ударной» силой своей команды и главной же проблемой этой команды в одном лице. По имени Билли.

Мерзкий Билл

Именно Билли был первым капитаном университетской команды по «Контратаке». Именно он принес университету Нью-Йорка первые победы в городе и штате, а год назад вывел команду в финал соревнований университетов США. Джо же был лишь «одним из», но только до поры.

Пора эта настала полгода назад и события развернулись совсем в другую сторону. Неизвестно почему, но руководитель факультета, а команду содержал именно университет – настоятельно порекомендовал сменить капитана. Билли, выдержав многозначительную паузу, указал на Джо, и дело было решено. Настоящих причин никто не узнал, но глухие слухи о том,

что всплыло нечто не совсем приятное из прошлого Билли, позволяющее ему быть членом, но категорически – не капитаном команды, до них все же дошли.

Билли, уроженец Далласа – «самого крутого города Америки» и, по совместительству, столицы не менее крутого Штата Техас криво усмехался и отмалчивался, а задавать личные вопросы в Америке не принято. Хотя то, что «южанин» мерз в почти что северном Нью-Йорке было само по себе необычным, но не настолько уж странным. Все-таки Нью-Йоркский университет – заведение престижнейшее и не зря называется «Университетом мечты номер один». Впрочем, Билли был в игре надежен, никаких бунтов на «Баунти» не поднимал, но его тяжелое присутствие Джо всегда ощущал. Как некое магнитное поле.

Скрытая и явная угроза

Отчаянной нужды в деньгах Билли – как успел заметить Джо – никогда не испытывал, степенно ездил на мощном «Харлее», а в уик-энды и праздники стабильно пропадал из студенческого общежития и возвращался только утром понедельника. Друзья, судя по всему, ему были не нужны, а вот в девушках недостатка не было: какая-то неестественная притягательность его явно мрачноватой натуры бросала к нему совершенно разных студенток с завидным постоянством. Как, впрочем, довольно быстро и отталкивала. Судя по тому, что надолго они не задерживались, а менялись часто. Но Билли это не слишком заботило. Он принимал внимание женщин со спокойной уверенностью, как и их быстро следующее вслед за близостью неловкое, нарочитое невнимание.

Свой «кодекс чести» у него тоже был. Незыблемый. Никто и никогда не слышал от него разговоров про женщин вообще и про его победы в частности. В отличие от большинства студентов, для которых секс и все связанные с ним подробности были главной темой разговоров, Билли только криво ухмылялся и уходил или молча слушал, не выказывая никаких эмоций. Его южный акцент, с которым он не считал нужным бороться, мог бы принести ему много проблем в виде насмешек, но и этого не случалось. Потому что это был Билли, которого за глаза звали не иначе, как «мерзкий».

Сейчас Билли неопределенно смотрел на Джо и расшифровать смысл его взгляда не представлялось возможным. Билли покачал головой и отвернулся, потирая основательно опухшее, синеватое ухо. Вчера нашему «мерзкому» тоже недурственно досталось – с неожиданным удовлетворением подумал Джо и посмотрел на Зака.

Каждое воскресенье Зака

Здоровяк вытянул правую ногу в проход между креслами и виновато посмотрел на стюардессу, вынужденную перешагнуть через нее и профессионально сдержать недовольство от этого неожиданного препятствия. Травма колена, которая поставила крест на его, возможно, блестящей карьере футболиста вновь дала о себе знать. Неожиданная подножка, которой русский крепыш свалил его вчера на пол, вновь сдвинула хрящи, разбредила мениск и в колене начала скапливаться жидкость... Зак привычно терпел зная, что еще неделю придется ходить на болезненные процедуры и откачивать эту самую мерзость из колена. Именно терпение уроженца Индианаполиса и делало его совершенно незаменимым в игре.

В игре, которая дала ему второй шанс, потому что Зак был бойцом, спортсменом по своей сути. И победителем. Поэтому он терпел, ведь они были чемпионами, да и контракт был подписан. На двести тысяч Зак был не согласен по своей сути. Миллион – дело другое... Именно столько он должен был получать как раз к этому времени как защитник в футбольном клубе своей мечты, откуда получил приглашение по окончании колледжа. Но была последняя, финальная игра и был удар плечом в колено, когда его нога потеряла устойчивое сцепление с

травой и болталась в воздухе... Хруст, дикая боль, сознание улетело куда-то ввысь... К пятому ряду трибун, где мама, серая, не смотря на черную кожу, откинулась на руки отца. Мешком, пыльным кулём, тысячи тонн которых перетаскал на себе высохший, жилистый отец, чтобы увидеть своего сына на гребне успеха. И вот он, казалось, успех... Падение в бездну. Самое страшное стечение обстоятельств. Контракт еще не подписан, надежда растаяла на жарком солнце Индианы, как мороженое. Ванильное, сладкое, освежающее... Любимое.

Вместо этого был год в гипсе, повязках и на костылях. Первые несколько месяцев Зак находился в пучине горя и вынашивал сладкий и жестокий план, вспоминая про старую битву, пылившуюся в гараже. Но потом схватился за компьютер, пытаясь найти хоть какое-то применение своей спортивной натуре. Схватился, вцепился, ворвался в виртуальные дебри и... Воздаяние за мучения было оглушительным. Взглянув свежим, незамыленным взглядом в Фейсбук, он с ходу придумал дополнение к одному из приложений.

Зак – гений

– Бред! – проворчал сосед по палате и отвернулся к стене, а Зак зло, упорно и сильно нажал на плашку «Отправить» и его письмо ушло в неведомую сеть. Ответ пришел через два дня. Сосед даже не повернулся, когда Зак медленно прочитал короткое письмо, из которого следовало, что его дополнение «может стать важным фактором развития компании». А самому Заку никто иной, как глава компании мистер Цукерберг предлагает пройти обучение в магистратуре Института математических наук Нью – Йоркского университета на факультете компьютерных технологий. Оплата обучения, стипендия и, возможно, последующая работа в компании – в зависимости от результатов учёбы – компанией гарантировалась. Вторым вариантом значилась возможность просто получить чек с суммой, эквивалентной оплате обучения в любое время за свое «полезное изобретение» и некие проценты с него.

Зак неожиданно разрыдался и ещё более неожиданно выбрал Университет, а родители, на которых свалилось так много всего за последние несколько месяцев стали смотреть на своего увальня – Зака, выбившегося в такие «выси» совсем другими, круглыми от удивления глазами. Те самые небольшие, но стабильные проценты тоже «капали», что позволяло довольно неплохо жить самому и немного помогать родителям. И все бы было хорошо, но никаких полезных мыслей в голову Зака с тех пор не приходило, хотя учеба давалась не так уж сложно. Спортивная дисциплина и упорство держали его в середине списка студентов, но вверх движение приостановилось, и Зак опасался, что навсегда. Девиз университета «Устоять и преуспеть» он выполнял только наполовину. С преуспеванием – то как раз и наметились проблемы.

Надеяться Заку было не на кого, кроме себя, и он переключил свое внимание на игры и там нашел вход и выход для своей, уже подзабытой бойцовской натуры. Думал, что только для самореализации, но теперь... Мама, вес которой уже перевалил за сто тридцать килограммов, все чаще болела, отец получал скромную пенсию и благодарил небеса, что у них только один сын. Поэтому Зак набычился, а боль в колене только подкрепляла его решимость выиграть во что бы то ни стало.

«Хорёк» Чак

Джо понял, что означал его сжатый кулак, ударивший по подлокотнику кресла, и перевел взгляд на Чака. Чак, который вроде бы дремал неожиданно ответил ему острым блеском своих маленьких, неопределенного цвета глазок и хищно улыбнулся тонкими губами. За которыми блеснули мелкие, острые зубки. Точно, хорёк – повторил про себя кличку Чака Джо и прикрыл глаза. Хорька-Чака никто не любил, а он в ответ всех ненавидел. Исключение в его мире ненависти делалось только для Джо – почти полное, и относительное – для членов команды.

Дело в том, что Джо два года назад спас первокурсника Чака от так называемого «посвящения в студенты». Для всего руководства университета эта веселая для посвящаемых и унижительная для посвящаемых процедура была, как они заявляли, забытым пережитком семидесятых. Которую они давно запретили. Святая уверенность американцев, садившихся на высокие посты в том, что раз провозглашено «запрещено», так и, значит, действует, не раз подводила их самих, руководимые ими ведомства, да и всю страну.

Так вышло и здесь, когда бледного, еле сдерживающего от унижения слезы Чака трое дюжих молодцов-студентов выпускного курса поймали в университетском корпусе Бронкса. Чак пытался сопротивляться, но все было бесполезно: его со смешками, кряхтя, тащили к гранитной чаше, бывшей когда-то поилкой для лошадей. Дальнейшая процедура «посвящения» была проста, как мир. Через мгновение Чака должны были окунуть головой в воду, а потом торжественно провозгласить «фонтаном знаний». И с этим вот прозвищем ему пришлось бы как-то существовать всю учебу...

Если бы не Джо, преградивший путь смеющейся и плачущей, решительной и упирающейся процессии. Пока шло предварительное выяснение отношений между Джо и старшекурсниками, пока дело дошло до взаимных оскорблений, пока было нанесено и получено несколько взаимных толчков... Все это «пока» привело к тому, что проходившая мимо парочка профессоров обратила внимание на грозившую дракой ссору и противоборствующие стороны быстро разошлись по образовавшимся тут же неотложным делам. Чак давно уже – только хвостиком махнул, отметил Джо – покинул место ссоры, шмыгнув в какую – то свою хорьковую нору. Старшекурсники, сохраняя достоинство тоже степенно удалились, а Джо остался один. Довольно глупо, кстати.

Хорьки – они верные

Совсем скоро выяснилось, что совсем даже не глупо. Потому что в его «контакте» вскоре появился неизвестный и практически незаменимый помощник. Любые вопросы по учебе, редкие работы из электронного архива и вообще – все что нужно и важно неизвестный, как его называли соседи по комнате в общежитии «поклонник» поставлял Джо на электронную почту с редким постоянством и скоростью. Сначала Джо не без оснований думал – забыв про историю с несбывшимся «фонтаном знаний» довольно быстро – что ему помогает какая-нибудь скромная и некрасивая сокурсница, но через полгода все выяснилось.

Незнакомец или незнакомка пригласил его на встречу-свидание, понимающе ухмыльнулись соседи по комнате – где принявшего душ и надевшего на всякий случай чистое белье Джо встретила... Команда университета по игре в пресловутую «Контратаку». Один из участников команды решил посвятить себя научной работе и компьютерные игры его больше не привлекали. Точнее, на них попросту не было времени. Так Джо и Чак, который порекомендовал его в команду «обрели друг друга».

С другой стороны, никакой дружбы-то не получилось. Чак помогал Джо все так же, но уже легально, а говорить им в общем было не о чем. Джо пару раз попробовал, было неинтересно, а Чака, похоже, вполне устраивал такой формат: от «хай» до «бай» и обмена мнениями по игре. После чего Чак исчезал из компьютерной комнаты до следующего раза и коротких сообщений по электронной почте.

Девушек, естественно, рядом с ним никто и никогда не замечал, но и травить «хорька» почти перестали, потому что редкое, но присутствие рядом с ним Джо и Зака, не говоря уже о Билли служили Чаку неплохой защитой. Да и, собственно, они были уже на третьем курсе и сами могли кого-нибудь сделать «фонтаном» хоть знаний, хоть незнаний. Тем не менее, кличка прилипла, и Чак о ней знал, и даже не пытался ее опровергнуть, оставаясь всё таким же мелким, злобным, прыщавым и желчным типом. Впрочем, в игре он вел себя надежно, Джо под-

чинялся всегда, а его талант был настолько бесспорным и полезным, что команда терпела, а потом привыкла к нему, как к мебели. Он был как компьютерная «мышка» без которой выигрыш просто невозможен. «Хорёк», кстати, не выразил особых восторгов по поводу контракта и сейчас пребывал в глубокой задумчивости.

Оставив его в думах, Джо вернулся к своему доброму поступку по спасению Чака, о котором, якобы, никто не знал. На самом деле это было не так. Потому что за ним тогда наблюдали еще одни глаза. Красивые, темные, восторженные. Глаза Эмми...

Пока его Эмми

Да, Эмми, вздохнул Джо, чувствуя тепло ее руки на подлокотнике рядом. Через пару недель он получил подтверждение тому, что добрые дела не остаются незамеченными. На одной из лекций рядом с ним грациозно опустилась на стул красивая смуглая девушка, застенчиво улыбнулась и... Так они познакомились, а потом, как-то само собою дружба переросла в нечто большее. Эмми, так же застенчиво и грациозно отдала ему свою невинность, тепло и ласку. Ничего не требуя взамен и, похоже, ни на что не рассчитывая. Джо принял этот дар совсем не так спокойно, как многим казалось. Ему было с нею хорошо, уютно и как-то плавно что ли. Сначала. Потом, быстро, стало чего-то не хватать. Слишком буднично все было, стало и вот теперь проходило. Эмми всё чувствовала, но её отношение к Джо никак не менялось, что и настораживало его. Никаких ссор, размолвок или выяснения отношений не было, да и не предвиделось. Только взгляд Эмми был всегда рядом: темные глаза то искрились лучиком надежды, то темнели, как воды Нью – Йоркского залива осенью.

Индушка – не индианка

Эмми, внебрачная дочь богатого индуса, имевшего свой бизнес в том числе и в Штатах, с детства не нуждалась ни в чем. Отец в ней души не чаял, хотя всегда мечтал о сыне. Однако очередная попытка закончилась тем, что в двенадцать лет у Эмми появилась сестренка. Через пару лет ее не стало, а Эмми почти лишилась родительской заботы и ласки. Отец неожиданно вернулся в свою первую индийскую семью. Переходя из одной частной школы в Сиэтле в другую, оттуда – в престижный колледж в Вашингтоне, а затем в университет Нью-Йорк, а она теперь редко видела мать, ударившуюся в одинокую женскую карьеру и отца, навещавшего дочь раз в году.

Вскоре она привыкла быть одна и сносила все свои, на замечаемые другими, вынужденными бороться за существование, переживания с покорностью азиатской женщины. До встречи с Джо она мечтала только об одном – закончить поскорее эту нескончаемую учебу и уехать со своим дипломом куда-нибудь, где меньше людей. Она так и не привыкла – хоть другого и не знала – к американским гонкам за карьерой, продвижениям по должностям и встречам с родителями раз в год. Она искренне не понимала, как это – не звонить домой месяцами или сказать «Хай! У меня всё окей!» и отключить «мобилу» еще на пару месяцев. Если там кто-то готов тебе ответить, а ты не звонишь? Просто потому, что так не принято? Индейка на Рождество казалась ей глупой, надуманной псевдотрадицией, после которой становилось не веселее, а только хуже. Она не давала себе труда задуматься о том что, в общем, ее выводы были далеки от истины просто потому, что ей – то как раз позвонить матери или отцу очень хотелось, но вот им до нее в последние лет пять не было почти никакого дела.

Американские отцы и дети

Потому Эмми в общем видела, но не хотела воспринимать американских принципов воспитания детей. В которых было, конечно, много хорошего, хотя и необычного для остальных. На первый взгляд. Здесь детей до колледжа вообще не оставляли одних ни на минуту. Несмотря на то, что никакие дедушки и бабушки здесь с детьми никогда не «сидели», как говорят в России. Бабушки и дедушки отдыхали и не заморачивались проблемами внуков. Они всю жизнь работали – в Америке вообще принято много работать – и теперь кто разъезжал по миру, как тоже было принято, а кто отдыхал в Штатах. Вся ответственность лежала на родителях – как до того на их родителях – и уже стала нормой американской жизни. Хорошей нормой, хотя с другой стороны такая опека детей говорила о том, что в стране все далеко не идеально с проступностью. Что подтверждалось и количеством заключенных.

Как бы то ни было, в школу и из школы детей обязательно доставляли родители. Или сами или кто – то из соседей – по графику – брал всех детей в свою машину. Знаменитые желтые школьные автобусы уже становились анахронизмом и использовались в основном малоимущими родителями. Хотя и здесь было принято ребенка сначала посадить в автобус, а затем встретить. Иначе на таких родителей немедленно пожаловался бы водитель этого самого автобуса или обязательный сопровождающий от школы. Еще одна черта – доложить «куда следует» по любому поводу – прочно вошла в жизнь США и имела разные оттенки от «стучать» до «спасти» и «предупредить». Но в случае с детьми вряд ли кто-то мог упрекнуть внимательного гражданина, и им вскоре грозило бы не только общественное порицание вплоть до возмущения, но и возможное судебное преследование. Все, что касалось безопасности детей, не подлежало обсуждению, а было обязательным к выполнению. Любые отклонения от принятых норм карались незамедлительно и жестко.

Бэби-ситтеры и око родителей

Дома с детьми – когда родители работали, а они, как известно, работали – постоянно были бэби-ситтеры, которыми частенько становились те же студенты. Присмотр старших братьев и сестер был также неукоснительно – обязателен. На уикэнды дети также не оставались одни: они либо ездили с друзьями, но и с родителями, своими, либо снова по графику с соседскими в огромные супермаркеты, откуда можно было не выходить сутками. Либо ходили в гости – с обязательной доставкой туда и обратно – к друзьям, попадая под присмотр уже их мам, пап, братьев-сестёр или бэби-ситтеров. Или оставались дома под недремлющим оком родителей родных. Никакие концерты, походы в кафе, школьные вечеринки не могли состояться или посещаться детьми без неусыпного присутствия и наблюдения родителей или старших братьев-сестер.

Так, с небольшими послаблениями, продолжалось вплоть до колледжа, то есть совершеннолетия, в котором молодые люди получали наконец-то долгожданную свободу, ограниченную, правда, необходимостью учебы и надвигающейся близостью самостоятельной жизни. В которой американские родители уже принимали участие оплатой этой самой учебы, и с позиции «мы свое дело сделали, теперь твой черед». Дети, уставшие от надзора, чаще всего стремились уехать от родительского дома подальше, а порой у них просто не было выбора: колледж, дававший «добро» на прием того или иного студента мог находиться в тысячах километров от родного города. В то же время отношения, вопреки расхожему мнению, не прекращались, но переходили в стадию «на расстоянии» и сводили родителей с детьми чаще всего в Рождество, День Благодарения и, порою, в другие американские праздники, признанные семейными. Или на каникулах, где в родительском доме всегда была свободна и не тронута комната уехавшего

на учёбу сына-дочери. И, как правило, оставалась навсегда их комнатой, сколько бы лет не исполнилось «ребенку».

Мамми – паппи

Существовали в Штатах и два хороших праздника: День Матери и День Отца, в которые было принято обязательно звонить и поздравлять, отправлять открытки и маленькие подарки, либо вести отца-мать в ресторан или кафе. И, хотя американская индустрия быстро превратила их в еще один огромный покупательно-скидочный рынок с многомиллионными толпами в супермаркетах, открытками и сувенирами, доведя в итоге основателей этих самых праздников до бешенства и призыва вообще отказаться от этих Дней, добрая суть всё же оставалась. Конечно, все это было присуще классу «от среднего и выше», а в семьях победнее или за условной чертой все обстояло не так радужно или не так строго и стройно.

Уже не ее Джо

Всего этого Эмми была лишена почти полностью и после колледжа она стала тихо ненавидеть себя, окружающих ее людей и вообще всех людей. Ей было неуютно с ними, а им с нею было как-то непонятно. Такие выводы не совсем логично подтолкнули ее к компьютеру, где, как оказалось, тут нерастроченная энергия пригодилась в полной мере. Она легко вошла в команду университета, оставив за бортом многих, с виду более активных или похожих на парней сверстниц. Тем более что пресловутая американская толерантность тут сыграла ей на руку: и девушка, и полукровка в одном лице. Без нее и темнокожего Зака команду «прижимали» бы на всех американских соревнованиях спокойно и планомерно. А потом была встреча с Джо, и ей показалось, что совсем близко, за тем поворотом забрезжил рассвет, но это только казалось...

Эмми незаметно дотронулась до руки Джо, но тот не ответил на ее прикосновение. Он делал вид, что спал. Эмми знала это. Она подавила вздох и тоже прикрыла глаза длинными ресницами, сквозь которые не проникал лучик солнца, заглянувший в иллюминатор.

Статья седьмая Москва

На российской родине. Команда едет по домам. Об отце. О деде, и маме. Семья капитана. Младший брат.

По домам

Столица встретила Михаила и его команду легким морозцем и неярким, беловатым, но все же солнышком, а не серой хмарью с полуснегом – полудождем, в которые превратились последние лет десять некогда морозные и белые московские зимы. Никто их не встречал, кроме хмурого водителя отца Дениса на грозном черном джипе. Егор предложил завтра собраться у него «отметить бесплатную поездку и поговорить о будущем». Все согласились и договорились на семнадцать часов. Американское прожорливое чудовище быстро домчало их до станции метро «Домодедовская» где все, кроме Дениса выгрузились и спустились в метро. Постепенно выходя на нужных остановках, команда истаяла на Павелецкой – кольцевой, Театральной и Тверской.

Михаил подъехал в одиночестве к своему «Соколу». В универ им нужно было только в понедельник, поэтому сегодняшний неполный и два последующих дня отдыха были как нельзя кстати. Тем более что никто не знал, когда будет получено задание на игру. Правила которой уже очень его интересовали.

Дед капитана

Михаил вдруг резко ощутил, что очень соскучился по дому, но ему нужно было зайти еще в одно место. Где ждали только его. Он сел на автобус и поехал по Ленинградскому шоссе в сторону области. На четвертой остановке он вышел и направился к супермаркету. Через двадцать минут, с пакетом в руках он уже открывал ключом дверь на четвертом этаже панельной девятиэтажки.

– Миша, внучок, ты? – услышал он хрипловатый голос и ответил:

– Я, дед, я...

– Ну, слава Богу, приехал! – тут же отозвался вмиг ставший звонким голос.

Михаил разулся в тесном, полутемном коридоре, включил свет и прошел в комнату. Навстречу ему из-за старенького, советского письменного стола попытался встать, опираясь на палку высокий, костлявый старик. Михаил сам подошел к деду и поцеловал его, усадив на место. Дед тоже ткнулся ему в щеку, даже не пытаясь скрыть радости и похлопал внука по руке.

– Приехал? Когда, вчера? – пытливо взглянул в лицо внуку дед.

– Да только что! С самолёта и к тебе! – улыбнулся Михаил, – Вот, всё купил, как обычно.

– Сразу ко мне? – прозрачные голубоватые глаза старика блеснули благодарной слезой, но он тут же быстро спросил, все понял и свернул вопрос:

– Победил? Нет? Ну, ничего...

Михаил вздохнул, присел на табурет и коротко рассказал деду об итогах турнира. Тот внимательно слушал, потряхивая головой в самых интересных местах, переживая проигрыш в полуфинале и радуясь неожиданному денежному призу. В этот момент Михаил повернулся к нему своим подбитым глазом, и старик тут же забеспокоился, указав пальцем на синяк:

– А это что? Кто это тебя так? Только не говори, что об угол или там ещё обо что – то.

Михаил улыбнулся и встал:

– Давай, дед, я чайку поставлю, а там и поговорим, ладно? А то летели долго, я тоже с тобой перекушу.

Старик закивал головой и потянулся к сигаретам, а Михаил пошел на кухню, поставил чайник и стал разбирать свой пакет. Он ненадолго прошел в большую комнату, где на столе стояли большие портреты бабушки и отца. Мельком взглянув на них, он выключил свет и поспешил на кухню. Смотреть на родные лица до сих пор было тяжело, но дед не разрешал убирать их, частенько, как он сам рассказывал, «разговаривая с ними».

Дед и невестка

Григорий Петрович был дедом Михаила по отцовской линии, и Петр был его старшим сыном. Младший, Николай работал по строительству на Дальнем Востоке, а Петр стал офицером. Сам же Григорий Петрович в советское время был довольно известным журналистом-международником, объездившим полмира. Потом, уже в российское время, успешно писал в различные издания, периодически выступал на телевидении, выпустил пару книжек-воспоминаний. Михаил частенько бывал у него и у бабушки, один и с отцом.

Светлана, мама Михаила с ними приходила редко и по большим праздникам. Отношения со свекром не сложились давно и надолго. Григорий Петрович обладал далеко не сахарным характером и острым, ироничным языком. Вот и избраннице Петра досталось еще в «невестках», уже никто не вспомнит за что, но осадок испорченных когда-то отношений мутнел с каждым годом, а характер старика с возрастом лучше не становился. Особенно когда его стали конкретно забывать на телевидении, в некогда родных журналах и вообще просто забывать.

Впрочем, Петра тогда ворчание и упреки отца не остановили: он женился на Светлане и уехал служить в Архангельск, где и родился Михаил. Светлана тоже была с характером и назвала сына в честь своего отца. Внука Григория дед дождался уже от младшего сына, но было, как говорится, поздно. Бабушка смирилась с таким ходом вещей, тем более что Миша им доставался на руки частенько, что всех – включая Григория Петровича, безоговорочно принявшего старшего теперь уже внука, похожего на него основательно и, как он говорил, «бесповоротно» – устраивало.

Не как на войне

Военная жизнь покидала семью Вагановых по всей стране: от Архангельска и Мурманска до Владивостока и Калининграда. Отец был офицером морской пехоты, прошедший как сами моря, так и две кавказские войны. «Лап» по службе у него не было, спины он «не гнул, прямым ходил», как частенько сам пел под гитару свою любимую песню Высоцкого, но тем не менее до подполковника дослужился в положенный срок. Не смотря на морскую форму, звания у морпехов были вполне «сухопутные», а не кап – разы, два, три. Попутно окончил Академию. Подоспел и перевод в Москву, где их уже не вполне молодой семье должны были предоставить квартиру. Их первую, собственную.

Пока же дали служебную, и Михаил даже слышал, что отец с матерью стали мечтать о втором ребенке. Отцу было сорок два, маме тридцать девять. Михаил заканчивал школу и готовился к поступлению в военно-морской институт. Все образовывалось вполне хорошо и все рухнуло в один миг...

Последняя кавказская командировка была простой формальностью: сопроводить высоких чинов на очередное совещание по борьбе с тем, с чем годами боролись в этом регионе армия и разведка. Взрыв на улице Махачкалы прозвучал глухо, переднюю машину кортежа отбросило в сторону. Генеральская остановилась в отдалении, а важный чин, демонстрируя свою храбрость, направился к месту взрыва. Подполковник Ваганов, знавший о методах тер-

рористов не понаслышке выскочил с переднего сиденья и жестко отправил обидевшегося генерала обратно. Тут-то и сработал второй, он же основной стокиллограммовый фугас, потому что первый был лишь приманкой. Спину и затылок подполковника изрешетило осколками, и он упал, подмяв под себя невинного, оглушенного генерала.

Последняя слеза

Борьба со смертью в институте Склифосовского продолжалась две недели. Сильное тело Петра сопротивлялось, удивляя врачей и даря то угасающую, то вспыхивающую надежду маме и Михаилу. Организм в конце концов победил, но только частично. Мозг работал, но сигналов, на которые тело могло бы логично ответить уже не подавал. Отец смотрел на Михаила огромными глазами из-под широкой повязки, и было совершенно понятно, что сына он узнаёт. Но живыми были только глаза. Все остальное стало недвижимым. Михаилу было страшно именно от этого. Сил плакать не было, надежды тоже не осталось...

Он навсегда запомнил тот вечер, когда почерневшая мать пришла домой и села на кухне. Она как-то слишком жестко сказала Михаилу, что они с отцом договорились еще перед первой войной... Если что, то «овошем» он быть не хочет. Сегодня он подтвердил это. Она поняла его, ставший на секунду осмысленным, твердым и одновременно умоляющим взгляд. Дала разрешение на отключение аппарата искусственной вентиляции легких. Приняла на себя его последний вздох. Высушила прощальным поцелуем его последнюю слезу.

Беды, бабушки и деды

Папа умер. Жизнь почти остановила свой бег. Она тянулась, как пластилин. Тяжело, обрывочными комками-кусками воспоминаний и необходимых, скорбных дел. А дела эти не убывали, а только громоздились друг на друга как липкие, коричневые пластилиновые ошметки. Беды пришли, как водится, одна за одной. Следующий год они почти не вылезали из похорон и больниц. Первым с тяжелым инсультом слег дед. Бабушка и Михаил вытаскивали его сначала в больнице, потом дома. Пока однажды утром бабушка просто не проснулась. Едва похоронив ее, и найдя сиделку деду, Михаилу уже надо было спешить в другую больницу, куда положили маму с неожиданно появившимися у вполне здоровой женщины проблемами с сердцем. Болезнь была вполне излечимая, если ее не запустить. Хорошо, что с деньгами проблем не возникло: маме выплатили «посмертные» деньги за отца, ежемесячно слал переводы Николай, почти непрерывным ручейком приезжали офицеры-сослуживцы отца со всех концов страны, привозя собранные средства.

Надо как – то дальше жить

Да и генерал оказался порядочным мужиком: не побоялся приехать и рассказать, как все произошло, попросил прощения... Словами и делом. И то, и другое было бессмысленно, важно, необходимо. Похороны прошли на средства Министерства Обороны. Трехкомнатная, вместо положенной «двушки» квартира появилась быстро, как в сказке, и ее даже обставили вполне приличной мебелью. Поставили телефон, застеклили балконы, вставили стеклопакеты в окна. Маме назначили пенсию, Михаилу предоставили право поступления в институт без экзаменов. Все это снимало житейские проблемы, но никак не моральные.

Михаил за эти полтора года стал старше, как ему казалось, на двадцать лет. Мама на те же двадцать постарела. Она безучастно принимала помощь, а в новую квартиру вообще ни разу не зашла. Единственное, что она запретила Михаилу сразу же и без каких-либо обсужде-

ний-поступать в военный институт. Михаил, всю жизнь не видевший себя нигде, кроме как в армии, вынужден был принять мамино решение. Генерал все понял и решительно устроил его в МГУ. Благо, учился в школе Михаил вполне пристойно и тому не было стыдно оказывать такую протекцию. Оплату учебы также производило Министерство обороны.

Через полгода дед пытался встать, невзирая на плохо действующую левую руку и ногу, а мама, как показалось Михаилу немного успокоилась. Она продолжала лечение, но Михаил видел, что она вынашивает какую-то идею. Светлана вдруг стала снова деловой, современной женщиной, часто говорила с кем-то по телефону, куда-то ездила, переписывалась по электронной почте. На вопросы сына она отвечала коротко и уклончиво. Михаил за это время многое передумал, но мама как-то отстранилась от него, да и нужно было решать вопросы с МГУ и вливаться в непривычную студенческую жизнь.

Как надо дальше жить

Ответ о «делах» мамы был получен совсем скоро. И был он совершенно неожиданным для Михаила. Когда, изнывающим от жары московским вечером Михаил пришёл домой, его встретила мама с небольшим, как ему показалось, свертком в руках. Только он почему-то был сверху обернут каким-то незнакомым, тонким, в оранжевых разводах одеялом. Мама повернулась и... Михаил встретился с вполне осмысленным взглядом васильковых глаз ребенка. Они смотрели спокойно, с интересом и казались намного старше, чем все остальное личико малыша: маленькое, розоватое, со следами молочного налета вокруг губ – бантиков.

– Это твой братик, Ванечка... – с какой-то растерянной, виноватой улыбкой прошептала мама, а Михаил просто наклонился и, повинувшись какому-то непреодолимому чувству тихонько поцеловал малыша в правую щеку. Тот не улыбнулся, переведя спокойный взгляд на маму, а потом обратно на Михаила, рассматривая свою новую семью. Судя по всему, мнение у него осталось вполне положительное...

«Атик» Ванечка

Вторым, после «мама» словом Вани стало «атик», в смысле братик. Кто и почему отказался от совершенно здорового Ивана сразу после его рождения, составляло тайну усыновления. Как оказалось, мама решила усыновить ребенка почти сразу же после смерти отца, и занялась этим решительно и быстро. Информация о детишках стала поступать так же споро, но, когда мама в очередной раз пришла в свою больницу на обследование, то совершенно случайно увидела Ваню. Решение созрело мгновенно: мама сразу же забрала месячного малыша домой, занявшись подготовкой документов. Иначе Ваню вскоре отдали бы в «Детский дом», а там «бодяга» с усыновлением могла бы длиться месяцами, если не годами. Врачи пошли навстречу: все знали ее историю и в порядочности «молодой» мамы не сомневались.

Генерал, к которому мама на этот раз обратилась сама, только молча, низко поклонился ей и подключил всех, кого можно и нельзя. Повидавший за свою долгую жизнь разных офицеров и еще более разных офицерских жен, с таким же напором «выбивавших» квартиры, дачи и прочие привилегии именем своих вполне здоровых и живых мужей... Ради такой просьбы он буквально не свернул бюрократические горы, а срыл их. Через пару месяцев документы были готовы, несколько комиссий убедились в пристойных условиях проживания и хорошем уходе за ребенком, и Иван Петрович Ваганов стал официально членом семьи.

Малыш XXI века

Свои первые впечатления от новой семьи малыш вскоре принялся доказывать делами: маленькими, детскими своими достижениями-победами – радостями. Плакал Ваня редко, зато улыбкой одаривал маму и Михаила постоянно, особенно утром. Детские невзгоды в виде небольшой аллергии или простуды Ваня пересиливал решительно и терпеливо. Синие глаза, потихоньку темневшие и ставшие к двум годам почти серыми, с зеленоватыми искорками внимательно изучали мир, радовались и останавливались буквально на всем: от зеленых листьев на улице до мобильного телефона и компьютера, к которым малыш «не ровно дышал» с тех пор, как смог держать блестящую штучку в маленькой, пухлой ручке. Скорость нажатия кнопочек и совершения вполне осмысленных действий – от неожиданных звонков занесённым в «память» телефона абонентам, до открытия всевозможных «окон» на экране ноутбука – впечатляли. Когда Ване пошел третий год, он уже вполне сносно общался по мобильному с «атиком» – Михаилом, ловко находил в айпаде свои мультики и болтал почти без умолку. С телевизором дела шли вообще на «ура».

В то же время Ваня не проказничал почему зря. Если мама что-то не разрешала, Ваня вздыхал и этого «что-то» просто не делал. Предусмотрительность и осторожность Ивана была вообще на уровне взрослого, умудренного опытом мужчины. К розеткам и прочему теоретически опасному оборудованию малыш не подходил, прежде чем влезть на горку оценивал «скользкость» ступеней и не редко просто отказывался. К качелям относился спокойно, а переминаясь в машине – мама вскоре купила маленький «Рено-Логан» – на детском сиденье Иван требовал, чтобы его пристегнули имеющимися там ремнями. Только после этого он брал в руки любимые «мичики», то есть машинки и стойчески переносил поездки в поликлиники и магазины.

Крестный Егор

К концу года мама решила крестить Ивана. Она вообще с его появлением стала часто ходить в церковь и брала с собою обоих сыновей. Михаил только привыкал к новым обстоятельствам своей жизни и пытался разобраться в себе, а вот Ваня в церкви чувствовал себя хорошо. Он не шалил, радовался любому посещению храма, целовал иконы и вел себя на редкость естественно. Все, включая батюшку и обычно строгих старушек, невольно улыбались ему в ответ, а малыш отвечал им чистым, открытым и не по годам мудрым взглядом. Тем не менее нужен был крестный отец и, хотя можно было таковым выбрать самого батюшку, Михаил поделился своими соображениями с друзьями.

Те прекрасно знали и любили младшего брата, частенько передавали ему игрушки и презенты – от дорогих Денисовых, до маленьких от Тимура и Анны-, но Тимур как-то застенялся, а Денис пожал плечами в растерянности. Приняв крещение не так давно, по настоянию или скорее приказу отца, он явно на такую роль не годился. В чем честно признался. Зато неожиданно вызвался Егор, к радости Михаила. Их с Егором связывали какие-то особые отношения, когда многое было понятным друг другу с полуслова или вообще без слов. Мало того, оказалось, что Егор досконально знает все правила, множество молитв и приятно удивил на крещении не только всех свидетелей, но и батюшку. Так друзья узнали Егора с другой стороны. Что заставило всех еще больше уважать его, а Ване подарило настоящего, а не названного или назначенного крёстного.

Эта маленькая жизнь

Совершенно «добила» маму и Михаила, сцена, когда Ваня, едва начав ходить и внятно произносить отдельные слова, остановился у портрета – фотографии отца, висевшего на стене. В парадной форме и орденах. Малыш долго рассматривал портрет, а потом отчётливо произнес: «Папа», вздохнул, и послал фотографии подобие воздушного поцелуя...

Мама охнула и выбежала из комнаты, сдерживая рыдания, а Михаил сгреб малыша в охапку и долго сидел с притихшим братом на руках, тихо улыбаясь и не замечая, как по его щекам скатываются редкие слезы. Потом пришла бледная мама и обняла их обоих. Через минуту Ваня потихоньку выскользнул из их объятий и уселся на ковре, разбираясь с парочкой новых, блестящих «мичиков». Он был ребенком, ему хотелось играть. Мама и Михаил же еще долго сидели на диване, молча и тихо улыбаясь малышу в ответ на его взгляды и смешную мимику.

Жизнь продолжалась. Она стала другой, новой, но это была именно жизнь, а не существование. Все изменил маленький человечек, ставший родным для двух почти отчаявшихся, больших и взрослых людей.

Статья восьмая

Москва

Дед и внук. Былое и думы. Как и для чего начинать новую жизнь, когда первая уже прожита. Григорий Петрович и его КОДИ.

Деда, тавай!

Впрочем, изменил Ваня жизнь не только маме и Михаилу. В один из выходных дней Михаил захотел взять малыша с собою к деду. Мама молча кивнула, и они поехали. Едва зайдя в квартиру, Иван тут же подошел к сидящему на кровати старику, остановился в метре от него и стал рассматривать морщинистое лицо Григория Петровича. Старик тоже смотрел на малыша, откинувшись на подушки. Закончив осмотр, Ваня улыбнулся и подошел к старику:

– Тавай, деда... – протянул ручку к нему Ваня и старик прямо-таки засветился изнутри, как лампочка в плафоне бра над его кроватью.

Через месяц титанических усилий под присмотром жесткой, решительной сиделки он уже передвигался с помощью специальных «ходунков» по квартире. Еще через два – опираясь на палочку. Вскоре сиделка стала не нужна: Григорий Петрович добирался до кухни и туалета сам. На улицу он, впрочем, все равно не выходил, но в этом не было необходимости. Ел он мало, а раз в неделю Михаил приносил приготовленную мамой домашнюю еду, чего старику вполне хватало. Утром он варил кашу, вечером пил кефир и йогурты. Плохим сопутствующим фактом стал тот, что он снова начал курить, но, как говорится, не без этого. Тем более что без сигареты работать старик не мог, а теперь он вновь собирался именно работать.

Вопросы без ответов

Могучий интеллект Григория Петровича изначально не дал ему погрузиться в серое болотце удовлетворенного полубезумия, характерного для многих инсультников. После пережитого шока-перехода от здорового и активного к схожему с растительным состоянию, когда человек просто ест и спит многие не то чтобы удовлетворялись, но успокаивались своим новым положением. Григорий Петрович же задавал вопросы. Себе и ещё кому-то.

Он постоянно спрашивал: За что? Особенно после смерти жены, которая, он знал, вынесла двух ударов сразу: смерти сына и его болезни. Даже не болезни – все болеют, а этого его состояния. Беспомощности некогда сильного, уверенного в себе хоть и старого мужчины. Лежа длинными, одинокими ночами он с надеждой звал смерть. А пока она не пришла, он думал: Уделали меня, как Бог черепаху. Почему? Может быть, он великий грешник? Он вновь и вновь прокручивал свою жизнь, проживал ее. Воспоминания шли нескончаемой чередой: из глубокого детства, день за днем, час за часом...

Исповедальня

Ничего особенно страшного Григорий Петрович в своей жизни так и не обнаружил. Хотя он очень старался. На этой импровизированной исповеди самому себе. Или еще кому-то. Скорее, наоборот. Детские и юношеские ошибки не в счёт. Подлости там не было. Взрослая жизнь? Там тоже грязи не обнаружилось. Жену он любил и даже ни разу не изменил ей. Ни разу. Каждую копейку – в дом. Грязнулей, как многие мужчины, тоже не числился. Помыть за собою

тарелку зазорным не считал. Как курящий человек, выработал в себе определенное отношение к этим неприятным причиндалам: всегда чистой пепельнице, без горы окурков и запахов.

Выпить и посидеть в компании – это да, любил. Но опять же почти всегда дома, куда приходили друзья и коллеги. Ресторанов, кафе, либо иных крайностей в виде посиделок в редакциях «под плавленный сырок», Григорий Петрович терпеть не мог. Выпив, агрессивным не становился, на жену и детей руку не поднимал. В иное время мог, конечно, повоспитывать пацанов и подзатыльником и по заднице – в основном старшему, Петру, перепадало, но после застолья просто брал гитару и пел Окуджаву, Высоцкого, Галича.

Жена, конечно, тащила детишек и квартиру на себе, но он обеспечивал семью. Никаких «трешек» и «пятерок» до зарплаты жена никогда ни у кого не занимала. Никаких «ремонтных своими руками» тоже не производилось. Не очень рукастый сам, Григорий Петрович просто платил деньги штукатурам, малярам и прочим спецам по клейке обоев и всего остального, а мама потом принимала работу. Да, язык у него всегда был острым, частенько «ляпал» то, что не следовало бы. Но опять же не со зла и мог извиниться. В общем, итогом его размышлений ничего не стало, не нашлось таких уж не прощаемых грехов. Наказывать так страшно вроде бы было не за что. Но факт оставался фактом. И вопросы оставались.

Доктор и «докторская»

Ответ, точнее намёк на него нашёлся неожиданно-негаданно. Григорий Петрович только начал вставать, и с великой радостью шаркал до туалета, что было для него, чисто плотного человека главной победой. В дверь позвонили. На пороге оказался мужчина лет пятидесяти, представившийся врачом. Аккуратная борода делала из него прямо-таки классического земского доктора. Григорий Петрович впустил его. Бояться чего бы то ни было или кого бы то ни было он давно перестал. «Грابتь» книги, которые и составляли большую часть его состояния сегодня было немодно, а пенсия ожидалась через неделю.

Чего бояться? Правда, доктора за два года его болезни не появлялись в квартире ни разу. Выписав ему инвалидность, в поликлинике про него быстро забыли. Такие тяжёлые инсульты, как у него, обычно приводили к скорой и неминуемой смерти. Поэтому отделаться инвалидностью, означавшей немалую прибавку к пенсии, было логичным – хотя и нелегким для обычных граждан в плане «выбить» ее – делом. После этого и врачи, и мифические социальные службы просто забывали про человека. Григорий Петрович не был исключением, не смотря на все его былые заслуги.

Сергей Станиславович оказался внимательным собеседником. Оказалось, что он собирает материал для своей докторской о последствиях инсульта. Григорий Петрович рассказал о себе. Сергей Станиславович записал и собрался уходить, но уже в дверях объяснил старику что, опуская медицинские термины и прочую профессиональную белиберду, он готов сделать следующий вывод. А именно:

– Вполне возможно, Григорий Петрович, Вы чего-то ещё не сделали в этой жизни. Недоделали. Или можете исправить то, что сделали когда-то не так. Иначе Ваш и некоторые другие случаи я объяснить не могу. Не получается медицинскими параметрами объяснить, понимаете? Так что, как говорится – ищите и обрящете.

Оставив свою визитку, доктор задал еще один вопрос, на который Григорий Петрович коротко ответил:

– Да.

На том они и распрощались.

Устранение недоделок

Чтобы тут же забыть и вопрос и ответ, потому что «земский доктор» просто и гениально объяснил то, о чем так долго он, Григорий Петрович, думал все это время. Да! Именно так! Он что-то не сделал. Но что? В этом была главная загвоздка. Он медленно пошёл обратно, взял телефон и позвонил Светлане. Разговор вышел скомканным, но главное он сделал: попросил прощения, и оно было принято. Светлана даже стала раз в месяц навещать его, вместе с Ванькой. Дышать стало легче, но не совсем. Старик стал разбирать свои бумаги, попросил Михаила достать из кладовой пишущую машинку. Некогда большая редкость – немецкая, в белом пластиковом футляре – теперь она смотрелась абсолютным анахронизмом. Печатать, как и заправлять в нее листы, оказалось делом трудным для почти однорукого – левая рука работала все же плохо – Григория Петровича.

Выход нашелся быстро. Вполне в духе российский реалий, когда дети и внуки не выкидывали устаревшие модели телефонов, а передаривали их своим благодарным родителям или дедам-бабкам. На следующий день Михаил принес деду свой старенький ноутбук. Григорий Петрович, считавший себя абсолютно тупым в обращении с новомодными прибамбасами, отнёсся к этой затее скептически. Но Михаил – весь в отца, с удовольствием подумал старик – был упорным и одновременно терпеливым молодым человеком. Через неделю занятий Григорий Петрович освоил азы компьютерной грамотности. Сначала компьютер представлял для него удобную пишущую машинку, но, когда Михаил подключил через кабель интернет, старик попал в новый, удобный и стремительный мир. Теперь не нужно было ходить по библиотекам и рыться в книгах. Все было здесь, одним-двумя нажатиями «мышки». А она вполне удобно умещалась под правой, здоровой рукой Григория Петровича.

Из лузера – в юзеры

Еще через месяц, когда старик стал вполне уверенным в себе – хоть и несколько тормознутым, как он посмеивался над собой – пользователем сети, его стали посещать другие идеи. Подняв старые связи и разыскав нескольких – еще живых – товарищей и сослуживцев, благополучно забывших его «в болезни», он опубликовал несколько своих старых статей. Они не потеряли актуальности, как любое талантливое дело и он даже получил вполне приемлемый гонорар. Затем завёл знакомство в нескольких блогах и писал туда, вспоминая свои поездки по всему миру во «времена оны». Михаил помогал и общался с дедом теперь ежедневно.

Мир пустил Григория Петровича обратно к себе, освещая его одинокую жизнь письмами на электронную почту, файлами, приложениями и предложениями. Потихоньку возвращались и профессиональные навыки: информационные поводы давали ему пищу для статей, записей и отзывов. А когда он попробовал – взяв, для верности, словарь – написать пост на английском, то всё сложилось как нельзя лучше. Память, поскрипев, достала из своих запасников безукоризненный и, что важно, литературный английский, изучению которого Григорий Петрович посвятил половину жизни. Один из сайтов, рекламирующих путешествия, стал регулярно заказывать ему посты и статьи в расчёте на пожилых туристов и путешественников. Граждане стали жить лучше, а старичками и старушкам за границей нужны были не развлечения, а впечатления.

Тут-то Григорий Петрович был незаменим. Рассказывая о Лиссабоне или Париже, Барселоне или Таллинне он был практически идеальным рекламным агентом для тех, «кому за...» Так же регулярно сайт перечислял небольшие, но постоянные, как он их назвал «гонорарчики». Ведь Григорий Петрович был для них настоящей находкой: он одинаково грамотно и интересно писал на русском и английском, освобождая переводчиков, а в штат не просился и огром-

ной зарплаты не требовал. Был рад и небольшой копеечке. Что руководство сайта с радостью делало. Теперь старик мог даже делать маленькие подарочки-презенты Ваньке, к светлой радости последнего. Домашний парк «мичиков» стал пополняться ежемесячно новыми, разноцветными моделями. Заказывал их Григорий Петрович тоже через интернет и за сущие копейки.

«КОДИ»

Одним из, так сказать, слагаемых успеха Григория Петровича стало то, что многие пользователи сети старшего поколения просто помнили его еще по советскому телевидению. Такой авторитет подвинул его на следующий шаг, которым он очень гордился. А именно: он решил создать свой блог и, решив, сделал это. Причём гордился он и названием – талант не только не пропьешь, но и не проболеешь – и социальной направленностью. Аббревиатура «КОДИ», что в полном варианте звучало как «Компьютерное Объединение Домашних Инвалидов» возникло в его мозгу внезапно и тут же обрело форму, одобренную удивленным Михаилом. Внук взялся за техническую работу и помог деду оформить сайт визуально и прописав необходимые для контента функции сайта.

За две недели существования сайт Григория Петровича обрел внушительную аудиторию почти что в тысячу человек. Позвонив «земскому» Сергею Станиславовичу, он подключил его к работе на сайте, где доктор и был доктором: отвечал на профессиональные вопросы больных. Сергей – как стал его называть вскоре Григорий Петрович – оказался основательным, отзывчивым и добрым человеком. Не лишенным, правда, и своего расчета, ведь его «докторская» пополнялась новыми данными их первых рук, но это Григория Петровича устраивало еще больше, чем просто работа волонтера, на энтузиазме. Человек хорошо работал, так почему бы одновременно не извлекать какую – то практическую пользу для себя?

Все было вполне логично, а Григорий Петрович уже стал вызывать интерес у средних и крупных интернет-сайтов. Что важно – как отечественных, так и зарубежных. Неожиданно объявился его давний знакомец из Чикаго, журналист Ник Косовиц – из «югов», как по привычке дед называл любого выходца из многонациональной Югославии, будь он серб или македонец – и активно зондировал почву о возможном совместном проекте. Григорий Петрович пока относился к новым предложениям спокойно и набирал аудиторию. Новые-старые друзья, которым он был не нужен еще пару месяцев назад, не могли не появиться на горизонте. Но «пока пусть там, на горизонте и останутся» – резюмировал дед Михаилу свою принципиальную позицию. Сидящих дома одиноких, больных и инвалидов, освоивших компьютер и сеть оказалось довольно много. Они быстро знакомились, обменивались своими проблемами, искали решение, обсуждали возможные льготы и вспоминали минувшие дни и «битвы, где вместе», или порознь «рубилась они». Михаил с друзьями периодически делали неплохую рекламу «КОДИ», а домашние больных стариков с удовольствием тратились на оплату инета и отдавали старикам свои старые компы, лишь бы те их не донимали.

Дело продвигалось и, как шутил Григорий Петрович, «грозило во что – то вылиться». Пока же он решил сменить ноутбук на новый и установить «Скайп», о чем и поведал Михаилу, когда тот сел рядом с ним, поставив небольшой поднос с бутербродами и чаем на стол. Деньги на это уже были. Михаил кивнул, одоблив решение деда и выразил желание помочь «с выигрыша», но Григорий Петрович отказался, не забыв тем не менее сказать внуку спасибо и ласково потрепать того по плечу. Впрочем, рассказ Михаила о контракте задвинул тему грядущего обновления компьютерного парка далеко в тень...

Мудрость в «копилку»

Призовые были ошеломительно огромны, и Григорий Петрович крепко задумался, а потом коротко бросил:

– Контракт подписан, но мне все это, внук, решительно не нравится! Еще и високосный год на носу. И всегда, всегда там какая-нибудь мерзопакость происходит.

– Да? И что ты предлагаешь? – протянул Михаил, потому что дед – что значит родной человек! – попал в его мысли слёту.

– Так что тут теперь предлагать, раз ты уже все подписал! Да и остальные – тоже! Теперь думать поздно, – заворчал старик, вытряхивая сигарету из пачки.

Прикурив, дед добавил:

– Будет очень трудно, внук. Потому что ты связался, то есть противостоишь американцам. Такие дела.

– Договаривай, – откликнулся Михаил, усевшись напротив деда.

– Да уж конечно, раз начал, – Григорий Петрович неожиданно стал другим: жестким, решительным и прищурил глаз, как когда-то в тех шестидесятых, когда он был молод, казалось, вместе со страной, попытавшейся вдохнуть свежего воздуха. К сожалению, ненадолго. А тогда намечался очередной спор с достойным оппонентом о чем-то важном, и Григорий, прищуривал глаз, бросаясь в бой за... Уже и не упомнишь за что.

– Не буду говорить о том, что ты и так знаешь: количество населения, компьютерная грамотность и прочее. Тут все понятно и опять же не в твою пользу. Только это не главное. Ты знаешь, я поездил по миру и всегда мне было интересно разговаривать с людьми во всех странах. Разными людьми. И вот что я тебе скажу. Пусть это и прописные истины, но все же. Мы и они очень разные, и в то же время мы очень похожи. Остальное все делаем не мы, а те, кто над нами. Все это проецируется на страны и идет вниз. Не доверяем друг другу, боимся, прижимаем где можем. И в то же время тянемся, силимся понять, расстраиваемся, когда это не удается. Пробуем снова. Стремимся узнать и понять. К сожалению, мало пробуем и слабо стремимся. Вот такие вот дела. Остальное всё – хлам и мусор, надуманный политиками и бизнесом. Им выгодно иметь сильного «заокеанского» врага. Причем взаимовыгодно.

Американцы вообще всю жизнь себе врагов ищут, иначе их политическая система немедленно дает сбой. Поэтому нужен враг. Причем не людям, а именно системе. Раньше хватало англичан-колонизаторов, потом индейцев или даже бизонов, затем рабов. Затем Германия, что в первой мировой, что фашистская и Япония. Потом Союз и страны Варшавского договора. Коммунизм.

Умалчивают, но я вот знаю, что в начале девяностых с распадом Союза в Штатах всплыла куча внутренних проблем, которые «холодная война» до времени нивелировала. Юг страны, во главе с Техасом, хотел вообще отделиться. Почему? Бояться американскому народу стало некого. И вновь всплыла тема инопланетян, сотни фильмов про угрозу из космоса. Однако враг нужен реальный, а не фантастический. И вот уже Саддам, Афганистан, падение башен – близнецов, Усама... Но снова маловато страха. Вон, президент новый пришел с призраком нового врага – Китая. На будущее, если что. А пока что опять мы подвернулись. Да еще и с удовольствием повелись на эту удочку, потому что нынешним нашим «рулевым» – из четвертых секретарей комсомольских райкомов, которые ничего не умеют – тоже выгодно «вражину» нарисовать. И внутри обеих стран «гаечки прикрутили».

Только если для американцев наличие врага или «врага» – дело привычное и нужное, иного они просто не знают, иначе и самим бы понравилось. А вот нашим людям враг вообще не нужен, вон, чемпионат мира футбольный весь мир удивил. «Страшные русские» оказались милейшими и современными людьми. А почему? Потому что это правда. И такое ни по какому

приказу или распоряжению не сделаешь. Показуха как раз не прошла, иначе иностранцы мигом почуяли бы. Потому что последняя война страшная нас научила бороться с реальным врагом, с врагом всего человечества и не искать новых, тем более мифических. Так-то вот. Много тут всего. История разная и выводы из нее тоже различные сделаны. Или, наоборот, не сделаны. А пора бы.

Дед откинулся на стуле и затушил сигарету в пепельнице. Видимо, он ожидал вопросов или реакции внука, но тот молчал и Григорий Петрович продолжил:

– Поэтому совет мой тебе будет один. Не ожесточайся, что бы ни случилось. Жестокость – она и в игре ни к чему. Не знаю уж, понял или нет, только больше старику тебе посоветовать нечего.

Михаил задумчиво сидел, забыв про чашку с остывшим чаем в руке. Григорий Петрович тихо дотронулся до плеча внука, выведя того из ступора:

– Ну, прости, «загрузил» я тебя, как сейчас говорят. Но это ничего, клади все в копилку. Где плохое, там всегда что-то хорошее сыщется. Тем интереснее. Давай-ка домой собирайся. Там тебя тоже заждались.

– Да, позвоню домой. – Михаил очнулся от своих мыслей и набрал номер на мобильном, – Мам, привет! Я приехал. Да, у деда. Все нормально. Ну, четвертое место, будем считать. Так вышло. Скоро приеду. Как малыш? Что? Какают на горшке с айпадом? Просят не беспокоить? Понял-понял.

– На горшке с чем? – переспросил Григорий Петрович.

– С айпадом! – выдавил Михаил, пытаясь справиться со смехом...

Статья девятая Нью – Йорк

Американская родина встречает победителей. «Большое яблоко» и путь Джо домой. Семья «капитана Америка». Первый звонок в Москву.

Великий город – яблоко

Зимний Нью-Йорк встретил победителей небольшой снежной позёмкой, хмуровато-сероватым небом и влажным ветерком с океана. Аэропорт Кеннеди, как и все аэропорты мира, постоянно находился в стадии перманентной реконструкции. Рейсы через крупнейший авиационный узел США шли нескончаемым потоком, и так же бесконечно перестраивались терминалы, взлётно посадочные полосы и ангары. Все двигалось, ехало туда – сюда, свистело турбинами, повизгивало электрокарами, стучало и сверлило, сверкало сваркой и тыкало в небо то взлетающим лайнером, то стрелой башенного крана.

Джо, как уроженец Квинса, всю эту суету «Большого яблока» принимал как должное. Точнее, как необходимое, хорошо знакомое действие. Бессистемная на первый взгляд суета двадцатимиллионной Нью-Йоркской агломерации была для него так же естественна, как голые пустынные просторы Техаса для Билли. Он вдохнул запах родного огромного города с его солоноватым морским привкусом, манящим духом хот-дога и пиццы, одноимённого стейка, картошки-фри и китайских остро-кисловатых приправ. Все это незатейливые ароматы были густо, как и положено, сдобрены бензиновыми выхлопами.

Он был дома. Настроение сразу же улучшилось. Да и грустить, собственно, было нечего. Даже зуб перестал болеть. Коротко попрощавшись с командой, и уговорившись встретиться через два дня в университете, Джо закинул на плечо сумку и пошёл упругой походкой коренного Нью-Йоркца. Взгляд Эмми он, конечно, чувствовал спиной, затылком, но сейчас ему хотелось одного: скорее добраться до компьютера. В кармане джинсов лежала бумажка с адресом скайпа, и это было важнее всего. Даже важнее победы. Не говоря уже о контракте. Выход был один и Джо, вздохнув и по – американски быстро прикинув в уме пробоину в своём студенческом бюджете смирился, и вытянул руку с оттопыренным большим пальцем не вверх, а в сторону как и полагалось жителю «Большого яблока»

Как относиться к деньгам, если ты американец

О двадцатитысячном выигрыше, который уже был переведен на его банковскую карту, Джо даже не вспомнил. Аккуратность и бережливость, воспитанная с детства, просто закрыли эту тему. Привычка жить по средствам, откладывать нежданные деньги в дальний уголок счета и памяти, не тратить попусту была одной из основных черт американской молодежи. Ни один из команды даже не подумал предложить другим «отметить» победу. Посидеть, поговорить, вспомнить. Уже отметили бесплатным пивом на банкете за счет организаторов. Что еще?

И родители никогда не то что не попросят, даже не намекнут о том, чтобы воспользоваться деньгами Джо. Заработал – твоё. Хлопнут по плечу, переглянутся, довольные, друг с другом. Поинтересуются нейтрально: «решил, на что потратить»? Уважительно примут ответ, что «пока никуда». И улыбнутся, когда Джо напоследок расскажет о том, что им, как победителям, еще и списали все расходы по прибытию-убытию и проживанию на турнире. Съездили не за свой счет, да еще и привезли по двадцать тысяч, не считая кубка за победу в музей университета, и личного кубка в свою коллекцию. «Выигрывай всегда» – подведет итог отец. А Джо

улыбнется и... И не расскажет о новом контракте. Ни к чему эти детали. Важен результат. Важно всегда выигрывать. Побеждать.

«Русское» такси

Желтый «Шеви» резко – таксисты города не зря считаются самыми крутыми в Штатах – тормознул рядом, чуть не задев его ногу колесом. Жизнерадостный, как американец и одновременно задумчивый, как эмигрант таксист выслушал адрес, а сам уже нагло и уверенно вклинился в поток машин и бросил взгляд на Джо. Вид молодого человека, судя по всему, привел его к разнообразным выводам, один из которых он выдал спокойно и насмешливо:

– От кого досталось, Капитан Америка?

Джо на заднем сиденье вздрогнул и бросил взгляд на упрямый затылок таксиста через пуленепробиваемое стекло. Акцент подтвердил его мнение о том, что водитель – не коренной американец. Точное попадание в прозвище, полученное на турнире, напоминало последнюю кеглю, выбитую в боулинге меткой рукой.

– От русских! – бросил он пробный шар, на что таксист весело и одновременно как-то мстительно засмеялся.

– От нас всем достается. В первую очередь нам самим. – выдохнул он, – Не ты первый и не ты последний. Где умудрился наших-то найти? Или ты из России? С любовью?

Джо, сам не зная почему быстро рассказал короткую историю турнира и драки опустив, правда, ее причину. Но таксиста было трудно обмануть.

– Понятно. Турнир-турниром, а подрались из-за девушки. Все как всегда...

– С чего Вы взяли? – Джо прищурился.

– С чего – то взял! – хохотнул таксист, – У них же в команде девушка была? Была. И у тебя была. Вот и все выводы. И этот, как его, а, афроамериканец у тебя в команде должен быть. Иначе-то как? Толерантность ваша всемогущая. Ну и каков итог? Ничья?

– Будем считать. – попытался замкнуться Джо.

Таксист кивнул, тоже поскучнел и пару кварталов молчал, поглядывая в зеркало на Джо, у которого опять стала саднить десна.

– Как там наши-то, молодые? Достойные хоть ребята? – неожиданно просящим тоном спросил таксист.

Джо пожал плечами и промолчал. Таксист ехидно ухмыльнулся:

– Значит, прямо команду на команду и схватились? Хорошо, растащили вас, а то несдобровать твоим подчиненным. И тебе тоже.

– Почему это? – возмутился Джо.

– Да потому, что вы живёте, а они выживают в основном! – зло бросил таксист. – Чувствуешь разницу, понимаешь? Так что в следующий раз ты мимо проходи, а то в лучшем случае своему стоматологу хорошую прибыль сделаешь.

– А в-худшем? – закипел Джо.

– Тебе виднее, – спокойно крутанул руль таксист, – Моё дело предупредить. Там другой мир. Вы тут за карьеру боретесь, а они за жизнь. И не только за свою, кстати. А девчонку ты не обижай. Если серьезно – хватайся. Если нет – и не пытайся. В любом случае легко и просто, как у вас тут положено, не будет.

– Почему?

– Потому что у нас на женщинах вся страна держится. Ну, или держалась когда-то. Они, наши – то, многое могут с мужчиной сделать. И вытащить, и утопить. И в другую страну затащить тоже могут. А потом плачут по ночам, да тебя же клянут. И все равно с нашими зубы от скуки не сводит, как с твоими землячками. У нас пока они женщинами остались. Так что

подумай, капитан. Приехали. Семь шестьдесят с тебя. – вывалил водитель на Джо кучу мыслей и фраз и отвернулся к окну, притормозив у высотного здания.

Джо отсчитал деньги до цента и положил их в специальную выдвижную полочку.

– Вы из России? – спросил он резко, открывая дверь и бросая взгляд на прикрепленную как положено к панели карточку водителя, на которой было написано: «Ник Р. Глазкофф».

– Я из Бруклина. Кандидат физико-математических наук.

Таксист не повернулся и Джо еле успел выскочить из салона, потому что машина сорвалась с места и через несколько секунд скрылась за углом дома.

Милый, пустой дом

Дома, конечно же никого еще не было. Большая пятикомнатная квартира родителей встретила его уютной чистотой и привычным порядком. Со стены смотрели несколько фотографий в рамках: маленький Джо, капитан школьной команды по баскетболу. Рост не позволил идти дальше и соревноваться с гибкими и прыгучими темнокожими сверстниками. Приз на городских соревнованиях по физике. Крепкий, белозубый Джо выглядел белой вороной среди худосочных и очкастых соперников. Окончание колледжа. Мантии и шапочки с кисточкой. Кэтрин, вот она. Разбитная девчонка, затащившая его в постель. Не очень-то он и сопротивлялся, хоть рассчитывал на благосклонность другой. Но – выпускной. Традиция. Очень даже недурственная, усмехнулся Джо и поставил на полку с призами ещё один: небольшой блестящий кубок, врученный лично ему. Еще один приз капитану. Капитану Америка. Почему липнут эти глупые прозвища? Одно по одному, никакой фантазии. Терминатор, Спайдермэн, Айронмэн, Халк да Америка – вот и весь скудный запас американской фантазии. А если русский – то именем автомата АК плюс игровой номер. АК-47. Или обыгрывать имя. Ови, Кови... Хорошо, если Иван будет. Тут и «Грозный» и «Великий». А если, к примеру, Михаил? Все, тупик. Разве что архангел, но не додумаются никогда.

Как относиться к трофеям, если ты американец

Мама, конечно, повесит в рамку и его последнюю фотографию. Улыбнется. Улыбнется и приготовит сэндвич. Предложит печенье. Больше в холодильнике, кроме сока и воды, ничего не окажется. Можно было сходить в кафе – пиццерию на углу. Всем вместе. Но отец, скорее всего, задержится на очередном деловом ужине. Придет поздно. Как обычно бодро – уставший. Потреплет его по плечу. Спросит в двух словах и получит такой же ответ. И все. Скорее всего, никто из них даже не заметит его припухшую губу. А если заметят, то покачают головами и посоветуют сходить к стоматологу. Немедленно. Эта тема вызовет у них интерес, и они даже посвятят ей пару фраз. Обсуждая попутно то, насколько все дорожает вообще и стоматология в частности. Потом мать уйдёт к себе, отец перекинется двумя-тремя словами с сыном и скроется в душе. Очередной семейный вечер будет закончен. Завтра он поедет в общежитие университета и станет еженедельно звонить им с коротким отчетом: Все ОК. – А у вас? – Тоже. – Пока, ма. – До свидания, Джо. – Отец тоже прощается – Короткие гудки.

Хорошо, что никого еще нет.

У Накаты, американца

Джо подхватил свой ноутбук, бросил – аккуратно и на положенное место в коридоре – свою сумку и решил идти в бар. Захотелось большой гамбургер с картошкой и кетчупом, стакан колы или пива. Пива, да. Захотелось увидеть человеческие лица. Толстяка-японца Накату,

держашего нарочито американское по меню и отделке кафе, и на дух не признающего никаких «родных» суши и роллов. Тот хоть встретит его множеством вопросов и ничего не значащих новостей. Поздравит дружеским хлопком полной руки по плечу. Почему то захотелось именно такой фамиллярности. Живой и грубоватой. Потом Наката постучит по стойке круглым кулаком и громко объявит всем о победе Джо. Предложит трем завсегдадаям – из которых двое его не пьют, и он «в курсе» – пиво «за счет заведения», и в честь Джо. Выпьет сам и потом серьезно спросит о его щеке. Узнав причину, он нальет себе ещё бокал желтого, искрящегося пеной напитка и задумчиво взглянет на поддельный меч-катану, висящий на стене за стойкой. В его и без того узких глазках, почти скрытых жирными щеками, блеснет древний самурайский воинственный огонек. Быстро угаснет, но он хоть на миг промелькнет, а не встанет непробиваемой стальной стеной, как у отца. И назидательным выговором, типа: «Ты сильно рисковал, Джо. Могли лишиться приза. Нужно было отойти в сторону и обратиться к охране. К организаторам. Ты ведь итак уже победил».

Американский бургер и пирог

Так все и случилось. Только посетителей было пятеро, и Наката разорился на три стакана. Но виду не подал и вскоре тоже занялся своими делами, а Джо забрался в уголок за деревянную перегородку, прихватив с собою сочащийся ароматом бургер и картошку. Открыл ноутбук. Вытащил бумажку с адресом, но отложил в сторону. Отчего-то было страшновато...

Он решил сначала поесть, улыбнулся и взялся за еду, не взирая на саднящую боль в десне, соприкоснувшейся с горячей кунжутной булкой и мясным, обжигающе-ароматным нутром бургера. Неимоверно вкусно – промурлыкал он и захотел обязательно заказать ещё и кусок пирога. Они как раз тут, в отличие от бургеров – были не особенно удачными, но американца в его душе сегодня начисто побеждал кто-то другой. Не такой расчетливый, правильный и скучный. Несколько бесшабашный, но живой молодой человек. Который – Джо знал – живет в нем уже давненько. Который – Джо понимал – побеждает во всех этих турнирах, соревнованиях. Который – Джо смирился – лучше того, что видят все в нем. В Капитане Америка. Которого Джо старательно скрывал ото всех и самого себя. Но сегодня Джо себя – его отпустил на волю и чувствовал себя не то чтобы пугающе – комфортно... Естественно.

Разговор между континентами

С едой было покончено, заказ на пирог официантка Мария, хмурая и неутомимая в работе как все мексиканки, приняла быстро, тряхнув упрямой челкой черных как ночь волос. Джо взял себя в руки и набрал номер. Гудки длились долго и Джо, со странным облегчением хотел уже отключиться, но вдруг экран высветил в полумраке силуэт и хрипловатый голос тихо ответил:

– Да. Я слушаю, я тут.

– Это Джо, – почему то таким же полушёпотом сказал он.

– Я вижу. – Вздохнул силуэт на экране, – Привет. Можно, я не буду включать лампу? Чтобы ты меня не увидел. Такую.

– Какую? – не понял Джо.

– Ох, да заспанную такую.

– Ты спишь, извини, я...

– Вообще-то да, – хихикнул экран и силуэт тряхнул головой – ночью я обыкновенно сплю.

– Ночью? – Джо взглянул за окно.

– Разница по времени с Москвой и вами – восемь часов. Ты не посчитал, прежде чем позвонить? – силуэт хмыкнул коротко.

– Ох. Прости, прости. Даже в голову не пришло! – Начал оправдываться Джо.

– Ладно. Куда деваться уже? Прощаю. Привет! – Анна, судя по всему приводившая себя все это время в порядок нехитрыми приемами любой девушки-женщины – руками и щеткой для волос – все же загля небольшой ночник.

Джо увидел ее, сидящую на кровати в подобии пижамы: майке и легких, до колен, штанишках в мелкий цветочек.

– Ну? А ты отдыхаешь или празднуешь? – мило засмеялась она, склонив голову к плечу. – О! Пирог!

Мария как раз поставила тарелку между Джо и экраном, нимало не заботясь о том, что она кому-то мешает.

– Американский пирог! Недурно!

Джо молча любовался ею, такой загадочной и одновременно открытой, сидящей по-турецки прямо на кровати. Ее милое, такое знакомое и совсем незнакомое лицо, длинная шея, плечи и грудь, свободно дышащая под легкой майкой кольхались в клубах пара, поднимающиеся от горячего пирога. Манили, приковывали его взгляд. Анна тут же засмузилась и накинула на плечи край одеяла:

– Замерзла...

– У нас тоже прохладно... – очнулся Джо.

– Представляю себе. – Хихикнула Анна. – Градусов аж плюс пять-семь? А у нас все простенько: минус тринадцать! Смотри, от одних цифр не заболей!

– Постараюсь, – улыбнулся Джо даже не самой незамысловатой шутке, а тому, что он ее понял. Довольно быстро и даже отреагировал.

Начинайте с главного

Анна, судя по всему это тоже оценила, но промолчала.

– Ты знаешь, я не очень представляю, о чём нам говорить... – честно начал Джо и умолк.

– Я тоже, – пожала плечами Анна, – Но ты же позвонил...

– Да. Я так хотел тебя увидеть, услышать... А теперь не знаю, с чего начать, – почему то прошептал Джо.

– Так начни с главного! – весело, подбадривая его, сказала Анна.

– С главного? С главного... – Джо заворочался на стуле, как медвежонок на привязи. –

Правильно.

– Смелее, капитан! – слова были ироничными, но тон серьёзным.

– Я о тебе всё время думаю, – начал Джо.

– Не то, капитан. Есть у нас такой фильм... Понимаешь, не то, – пожала плечами Анна. – Спокойной мне ночи, а тебе – успехов. Окей?

– Окей, – Джо с облегчением выдохнул, но тут же почти прокричал в экран. – Ты мне нравишься! Очень! Понимаешь?

– Ну?...

– Можно я буду тебе звонить?

– Уже звонишь. Я ж тебе номер дала. А зачем?

– Хочу тебе понравиться.

– Уже понравился. Так, зачем? – серьезно сказала Анна.

Джо развел руками:

– Потому что я хочу быть с тобой. Всегда...

Анна откинулась на подушки:

– Это сейчас. Только сейчас. Время и расстояние... Посмотрим. Что ж, Джо, звони. Я отвечу. С удовольствием отвечу, ты понял?

- Я понял, я очень счастлив! – Джо почему-то покраснел, а на глаза навернулись слёзы.
- Вот и хорошо. Только я тебе сама наберу, вечером, а то ты опять что-нибудь напутаешь.

Пожелай мне спокойной ночи.

- Да, конечно, спокойной.

– Спасибо тебе. Теперь ночь будет и правда спокойной... Вру я! Спокойной она теперь уже не будет. Пока! – Анна взмахнула рукой и экран погас.

Джо откинулся на стуле и, с глупой улыбкой счастливого человека, огляделся по сторонам, встретив лишь взгляд Марии. Завистливый и разочарованный. Но глядела она не на него, а на серый экран компьютера...

Снова в игре

Проверял мобильный телефон. Голос отца деловито пробурчал:

– Ты приехал? Не мог бы ты побыстрее добраться домой? Тебе привезли какое-то оборудование, заказ. Дома тебя нет. Мне звонят, отвлекают... Только я расписываться в получении не собираюсь. Занимайся своими делами сам. Мы же договаривались? До вечера.

– Здравствуй, – ответил Джо. – Больше тебя ничего не интересует?

– Ты про первое место? Я знаю. Поздравляю. Встретимся дома.

Джо положил телефон и встал, закрывая ноутбук. Настроение почему – то быстро испортилось. Что там за заказ? Он ничего не заказывал. Если только... Так быстро?

Статья десятая Москва

Новая игра – новое оборудование. Встреча братьев. Семейный разговор. Растут «лимоны» на высоких горах. О том, как сохранить честь и жизнь.

Московская доставка

Подходя к своему дому, Михаил увидел, как у подъезда остановился небольшой фургон. Он был ровно наполовину раскрашен в чёрный и белый цвета, а неброская эмблема на его борту сразу бросилась в глаза: «М – Версия». Выскочивший с водительского места деловой мужичок в кепке с длинным козырьком и уже известной эмблемой на лбу, вытащил мобильный и стал набирать номер, поглядывая вверх, куда уходили все восемнадцать этажей нового дома.

Михаил, уже подошедший к нему, даже не стал доставать из кармана свой запиликавший телефон:

– В сто восемнадцатую? Ваганов?

Водила обернулся к нему:

– Ага. Это ты, что – ь? Ничё так у тебя «фонарь».

– Да, я, – кивнул Михаил, – И мой фонарь со мною.

– Вот и отлично! – Водитель направился к задней двери фургона и взялся за ручку, – Поможешь как раз, красавчик.

Дверца со щелчком отворилась и водитель, нисколько не смущаясь, всучил Михаилу самую большую хоть и не очень тяжелую коробку, а сам взял еще две поменьше – одну под мышку, другую в ту же руку – хлопнул дверью и направился к двери подъезда. В недрах фургона стояло еще несколько похожих коробок с одноименными эмблемами-логотипами.

– Ненавязчивый сервис! – хохотнул он, ожидая пока Михаил наберёт код домофона и выпустит его внутрь. Поставив коробки на столик у лифта, водила быстро достал из-за пазухи накладную:

– Распишись. Чё я наверх попрусь? Они не тяжелые. И так все пробки еще считать.

– Еще четыре заказа? – Михаил не удивился, черкнул подпись и нажал на кнопку лифта.

– Ну, да, – водила пошёл к выходу, – А ты откуда знаешь?

– Да так, – Михаил скрылся в лифте.

– А, одна компания... – услышал он слова водителя и дверь лифта закрылась.

– Одна, одна, – вздохнул Михаил, подпирая коленкой коробки, которые всё пытались выскользнуть из рук.

– Придурки компьютерные! – глухо донесся снизу тот же голос.

Мама и братик

Так он и зашел домой. С коробками, сумкой и уже полностью почерневшим синяком под глазом, за который он только что получил от веселого водителя сомнительный эпитет «красавчик». Ваня, выкатившийся в коридор верхом на зеленом самосвале, отталкиваясь крепкими ножками, закричал:

– Атик! Мама, атик!

Въехал прямо в большую коробку пластиковыми фарами, слез с машины и бросился Михаилу на руки. Коротко обнявшись и чмокнув старшего брата, сразу же слез обратно и отошел в сторону, наблюдая, как тот раздевается.

- Вава, – показал он маленьким пальчиком на глаз Михаила.
 - Да уж, прилетело немножко, – отозвался тот.
 - Пылетело немозка... – разулыбался Ваня и обнял маму, вышедшую в коридор, за ногу. Светлана вздохнула, сразу же заметив синяк на лице старшего сына:
 - Привет! – она обняла и погладила Михаила по спине, – Как раз к ужину. Там и расскажешь. А это что?
 - Да вот, считай, подарки, – неопределенно махнул рукой Михаил.
 - Подайки? – оживился Ваня.
- Михаил раскрыл сумку и вытащил парочку машинок в красивых прозрачных упаковках. Ваня радостно схватил их:
- Мама! Мичики! Спасибо!

Спасибо – пожалуйста

Привычка благодарить вполне по-взрослому пришла к Ивану неизвестно как, но была незыблемой. «Спасибо» было одним из первых его слов, которое он выговаривал четко и правильно. Регулярные благодарности маме, брату, деду и вообще всем следовали и за подарки, и за обеды, и по другим поводам.

«Пожалуйста», «На здоровье», а также «И тебе спасибо» – когда Ваня чем-то помогал им, а он пытался это делать уже давно – звучали теперь в их доме регулярно. Кстати, помощь его была не такой уж детской, а местами совсем даже весомой. К примеру, малыш регулярно и безошибочно находил телефоны и зарядные устройства к ним, флэшки, кошельки, ключи, отвертки и прочие мелкие и средние предметы, которые Светлана и Михаил периодически теряли в квартире. Ваня помнил все, что попадалось ему на глаза, и через какое-то время находил сам или брал за руку взрослого и показывал место где все это лежало-пряталось.

Малыш благодарно ткнулся лбом в коленку брата и убежал в свою комнату, где деловито занялся обновлением своего уже солидного автопарка: «Волга» к «Волгам», «Лада» к «Ладам» и знакомством старожилы с вновь прибывшими собратьями. Ваня, признавая в принципе превосходство различных «фольфагенов» и «тоот» к отечественному автопрому испытывал очевидный, хотя и странный пиетет.

Светлана вздохнула:

- Молодец, что не забыл. Он ждал. И тебя, и подарков. Ну, что? Давай в душ, ужинать, а там и расскажешь все. Григорий Петрович как?
- Нормально, мам.
- Иди. Я пойду ужин накрывать. Твое любимое.
- Я знаю. Котлеты и тушёная капуста! – улыбнулся Михаил.
- Учужал? Вот нюх у тебя, – обняла его счастливая Светлана.
- Как у собаки. А глаз, как у орла, – пошутил он, но мать посерьёзнула:
- Это ты мне потом объяснишь про глаз. Не болит?
- Уже нет.
- Иди, Аника-воин. Я вещи разберу. А коробки ты уж сам, но после ужина.
- Конечно. Спасибо.
- Позаюста! – неожиданно отозвался из своей комнаты Ваня и задорно рассмеялся, вместе с подхватившими его смех мамой и братом.
- Вот приучил! – засмеялся Михаил.

Котлеты отдельно. Как относиться к деньгам, когда ты русский

Пользуясь очередной, редкой для не только детей чертой характера Ивана, заключающейся в том, что тот интуитивно чувствовал момент, когда взрослым нужно остаться наедине и поговорить, и уходил заниматься своими делами-играми, взрослые уселись за стол. Перед этим Михаил положил на холодильник деньги, что не укрылось от матери.

– Мы, мам, получили один из призов. Десять штук. Вот, поделили поровну. Там тысяча долларов. – пояснил Михаил, принимаясь за котлеты и тушёную с мясом капусту.

– А как же дорога? – встревожилась мать.

– Все нормально, – промычал он с полным ртом, – И дорогу отбили, никаких долгов. Одна прибыль.

Мать поцеловала его в макушку и начала прятать деньги в портмоне, но тут же засуетилась:

– А тебе? У тебя есть?

– Все нормально, мам, есть еще, – махнул вилкой Михаил.

Мамин рентген

Мать села напротив него, радуясь его аппетиту, гордясь его фигурой, любуясь его волевым, мужским лицом. Так похож на отца, ее Петра...

– Расскажи мне, пожалуйста, все, – ласково попросила она, но тут же взяла себя в руки и строго показала на глаз сына, – Особенно про это.

– Мам... – замычал Михаил, но мать уже было не остановить.

– Из – за Анны? – прищурилась она, – Из – за Анны.

Михаил коротко поведал подробности схватки, отодвинул тарелку и взялся за чай с конфетами, закончив покаянно:

– Да сам не понял, как.

– И, главное, зачем? – перебила его мать.

– Угу. Вот именно.

– Это ладно. Вы, мужики, так созданы: биться за женщин. Только тебе-то пора бы понять. Если женщина с тобою быть не хочет, то бесполезно кого-то за это лупить. Вот если хочет, но по каким – то причинам не может – тогда дело другое. Хотя и тут кулаками вряд ли можешь, – тоном учительницы резюмировала мать, – А с Анной так вообще все же ясно? Расстались. Вовремя, дров не успели наломать. Все поняли. Нет? Или я ошибаюсь? – она пытливо взглянула сыну в серые глаза.

Михаил покачал головой в соглашательском порыве:

– Да вот, мам, что-то сам в себе не разобрался.

– А тут ещё проигрыш, – в тон ему покивала головой мать, – Неужели тем же американцам? Тогда вопросов больше нет.

Михаил засмеялся:

– Вот ты рентген, мам!

Мамина гордость

Мать улыбнулась, но тон ее был серьезен:

– И как ребята? Не подвели?

– Да ладно! – возмутился Михаил, – Таковую свалку устроили! Даже Гор сцепился.

– Егор? – мать терпеть не могла этих кличек – сокращений, которыми сын и его друзья называли друг друга и в обычной, некомпьютерной жизни и при каждом удобном случае употребляла настоящие имена.

– Да, Егор, – кивнул Михаил, – Мам, тут такое дело... Это еще не все, понимаешь?

– Пока нет, – снова встревожилась мать, превратившись во внимательную кошку, следящую за тем, как соседский грязный и тощий пес, выписывая якобы бессистемные круги по двору, приближается к ее глупому котенку. Чтобы шмякнуть того в игре увесисто лапой, а успеет-так и куснуть, а потом и весело улепетывать от зазевавшейся мамыши-кошки. И тут же, слыша ее шипение прямо за своим хвостом, с шумом протиснуться в дыру забора и оттуда радостно лаять в ее желтые, злые глаза. Только на этот раз такой номер уже не пройдет: кошка кинется раньше, на следующем вираже, когда пес не ждет. Молча, когтями – саблями в рыжий собачий бок...

В дверях кухни показался Ваня с машинкой в руке. Он спокойно протопал к столу и бесцеремонно стал забираться к брату на колени, всем своим видом показывая, что дальнейший разговор почему-то интересует и его. Сопротивляться было бесполезно, да и никогда не хотелось. Он помог Ване усесться и быстро рассказал о контракте.

Заветный российский «лимон»

Мать и брат молча слушали его. Потом мать охнула, а Ваня тревожно посмотрел на нее и своей светлой улыбкой мгновенно отогнал ненужные страхи. Впрочем, Светлана все равно была оглушена даже не самим контрактом или планируемым соревнованием, а суммой. При словосочетании «миллион долларов» российские рядовые граждане обычно на мгновение-секунду-минуту или же вовсе надолго умолкают. Прислушиваясь к волшебной игре слов. Затем, медленно – невзирая на наличие или отсутствие математических способностей – переводят доллары в рубли. С удовольствием. Растянутым, как те самые трикошки-синего, приемлемого цвета разбирали быстро и оставались ужасные, беспросветно-черные – в которых когда-то рассекали все мальчишки на физре в советской школе №... любой. А затем уже смакуют итоговые, всю жизнь остро желаемые, искомые, безнадежно – прекрасные миллион (ы!) рублей. Только уже в самом-самом конце они понимают, что тех вот самых миллион (ов) российских рублей из одного американского миллиона получается не так уж много. Как виделось, надеялось, хотелось. Но и не мало, если прикинуть. Как хочется, хотелось. Быстро, разом и сразу! Хотелось... И не могло, естественно. И не смогло, конечно. И не сможет никогда. Тает сладостный, зеленовато-хрустящий туман. Туман-обман... Ой, извините! О чем это вы? Или мы? Или только я? О чем мы говорили? Да – да, задумался, простите... Да так, ни о чем, если честно. Просто...

Деньги, честь и жизнь

Светлана, правда, относилась к небольшой оставшейся прослойке – категории российских людей, относившейся к таким суммам спокойно, без пиетета, ввиду полной и неизбежной невозможности обладания таковыми. За исключением шансов криминальных, конечно. За долгую службу мужа она – в его лице – сталкивалась с несколькими такими возможностями. Особенно на Дальнем Востоке. Петр хоть и не служил на самой границе, но периодически к нему «подкатывали» с различными предложениями братки и авторитеты, бряцая ключами, клацая фиксами и отсвечивая наколками. Сулили, намекали, похихатывали. Даже иной раз внятно, с угрозами. Один раз даже Светлана, к своему стыду, оставшемуся с нею на всю жизнь, спросила что-то типа: «А почему бы и нет?» На что муж, играя желваками, тихо попросил ее позвонить приятельнице-жене таможенника. С которыми они почему-то давно не виделись...

Светлана звонить отказалась, но «наколочку» запомнила и разузнала по своим соседкам-товаркам. История была банальна и страшна: муж подруги пропал неделю назад, пока его труп не прибило к заброшенному грязному причалу. Прямо к борту такого же, только ржавого труп-остова изжившего свой век сейнера, полузатопленного у пирса. В отличие от судна, заместитель начальника таможенного поста Синьковский был молод и «век» его мог бы длиться, сколько положено ему. Но и это еще было не все: исходя из нарочито-испуганного, а на самом деле возбужденно-восторженного – такой ужас! – бабьего шепота семью таможенника ещё и «поставили на счетчик» за долги мужа. И жена – тайком и срочно – забрала детей и улетела куда – то к чьим – то родителям на «большую землю». Петр вечером только хмуро кивнул тяжелой головой встревоженной жене, которая вместо того, чтобы повиниться набросилась на него же, припомнив как видела его несколько раз с такими вот, которые «могут все». В бордовых, пиджаках и длинных, «под гангстера» пальто. Еще раз увижу!

– Понимаешь, Свет – тяжело кивнул в ответ головой муж, – Общаться с ними можно. Здраваться, прощаться там... Даже чем-то воспользоваться, если предложат. Машиной там, кафе заказать, в больницу ребенка устроить. Только вот денег у них брать нельзя, понимаешь? Никогда. Если взял хоть сто баксов – все. Ты их. Даже за больного ребенка, понимаешь? Взял? Все! Теперь ты не государев человек. Не офицер. Ты никто теперь. Их вещь, и должен выполнять то, что он скажут, и так, как они скажут. Скурвился теперь. А они скажут, рано или поздно, не сомневайся. А дальше... А дальше схему тебе объяснить? По таможене, например. Простая схемка. Штампует человек в погонах, платят ему даже хорошо. До поры. Потом вдруг перестают платить – возникли проблемы, понимаешь? – а когда их «долг» ему вырастает до приличных размеров, тогда... Те, кто поумнее, понимают, что лафа прошла и «лавэ» ушли, не вернуть. Некоторые снимаются и уезжают. Но есть и те, кто считает, что они, мол, партнеры и пора бы расплатиться. Тут другое дело. Такой человек просто пропадает. Или куда-нибудь попадает. Выпадает. В аварию там, или из окна. В гараже сгорает. Нет человека, нет долгов. Пошли искать другого. Но вот если ты не взял, хотя тебе предложили, тогда они тебя начнут просто уважать и ничего тебе не сделают. Никогда... А потом опять предложат. А потом снова. И суммы будут расти. Но я откажусь опять, понимаешь? И потом тоже. Такие вот простые понятия. Поэтому меня, и тебя здесь все уважают и будут уважать. И помогать. Из уважения. Пойдём спать?

Тревоги мамы и Ванины

Быстро пронеслись в голове Светланы эти далёкие и страшные воспоминания, и она снова не на шутку испугалась. Тем более что итоговая сумма была фантастически огромна. За какую-то игру? – пронеслось у нее в голове. На самом деле она сказала это вслух, и сын уже держал ответ:

– Мам, мам! Подожди, не волнуйся ты так! Ничего тут такого уж необычного нет. На рынке компьютерных игр крутятся миллиарды, поверь мне. И пробиться туда сложно. Можно многим пожертвовать и много заплатить. Судя по всему, тут такая задумка и стоит: громкая презентация игры на международном уровне, да еще и с примесью «эпохалки» Россия – США. Так что все гораздо проще. Мам, ну поверь! Ванька, брат, скажи маме!

Ваня улыбнулся брату, но никаких попыток помочь ему, как ни странно, не предпринял. Занялся тем, что начал задумчиво катать по столу машинку, издавая не совсем похожие звуки работающего мотора.

– Ох, не знаю! – мать встала из-за стола. – Не могу сказать, что мне все это нравится. А учеба? Успеешь? Угу, а по ночам будешь с компом обниматься.

– Мама! Контракт подписан! – жестче, чем нужно сказал Михаил, но мать неожиданно смирилась.

Не вырубишь топором

– Раз подписан, надо выполнять. Что написано пером... Все легально, все прозрачно, все законно? Подписывал – со мной не советовался, это ладно. Я тебя знаю, надеюсь, и деньги тебе разум еще не отшибают напрочь. Подписал – выполняй. Понял? Вот такой тебе мой ответ будет окончательный. Ты его ждал? Изволь. Играй и постарайся победить, но помни: это игра, а не война. Здесь проигрыш только деньгами отличается от победы. Виртуальной победы. Все, удачи тебе с коробками, а нам с Ванюшкой пора баиньки. Хотя мы, конечно, ждем победы, запомни. И гордимся тобою. Да, сыночек? – она склонилась к малышу.

– Да! – улыбнулся Ваня и уронил машинку на пол...

Мать взяла малыша на руки, в дверях обернулась:

– А выигрыш, конечно же, поделите на всех поровну?

– Да. Я так решил, – виновато улыбнулся Михаил.

– Кто бы сомневался! – последние слова долетели уже из коридора.

Статья одиннадцатая Нью – Йорк

Встреча победителя не совсем по-американски. Семья «капитана Америка». Когда обманываться в ожиданиях – к лучшему. «Игра» в трех коробках. Первые находки и вопросы. От обруча и перчаток до стратегии. «Наутилус» XXI века.

Полка гордости

Джо сидел на компьютерном стуле-кресле и задумчиво смотрел через дверной проем на три коробки с эмблемой «М» версия», стоявшие в коридоре. Поигрывал ножичком для разрезания бумаги. Потом отложил его в сторону, взглянул на стену со своими фотографиями, полочку с призами под нею. Новое фото в рамке уже висело над остальными: улыбающийся Джо с двумя призами – кубками – один индивидуальный, второй за общую победу – рядом белозубо делала «чиизз» его команда. Мать успела повесить фотографию и стереть пыль с кубка, водрузив его в середину, как она ее называла «полки гордости». Уже успела.

Американская мама

Да и вообще всё вышло с точностью до наоборот. Не так, как обычно. Родители – сначала мать, а потом и отец – встретили его совсем не так, как он ожидал. Мать, обнимая, задержала его у своей теплой груди на несколько секунд дольше обычного. Он почувствовал, как знакомо пахнут ее руки и волосы. Накатила волна чего-то давно позабытого, детского. Вспомнились другие запахи: морского соленого ветра с капельками влаги, домашнего пирога и, почему-то, чистого белья. Свежего и ароматного. На котором так хорошо спалось, особенно если забраться между мамой и отцом и, чувствуя дыхание и возможность в любой момент коснуться их обоих, провалиться в безмятежный детский сон. Охраняемый взрослыми.

Он тоже обнял мать и они постояли так почти минуту. Потом Элизабет мягко отстранила его и внимательно посмотрела в глаза. Видимо, удовлетворенная увиденным, она подмигнула сыну и они направились в столовую. Мать шла впереди. Упругой, уверенной походкой сорока пяти летней успешной женщины. У которой есть сын, и им снова можно гордиться. В очередной, радостный раз.

– Отец хотел повести нас в ресторан, но я решила остаться дома. Ты не против? Заказ скоро привезут, а мы поужинаем втроем, хорошо?

– Хорошо, – пожал плечами Джо.

– Коробки твои? Убирай к себе. Как долетели? В университете знают? Как на Бали? – засыпала она сына и вообще все пространство квартиры вопросами, как фасолью. Тот не знал, на какие отвечать, поэтому пробубнил нечто невнятно-успокаивающее и потащил коробки к себе. Сложил их пирамидкой, аккуратно, размерами по убывающей и развернулся к выходу, но как будто наткнулся на стену.

– Что у тебя с лицом? – мать стояла в дверях и, несмотря на жесткий тон вопроса в карих, бездонных глазах ее плескалась неподдельная тревога. Она ждала ответа, закрывая ему проход своим гибким, стройным телом. Похожая на решительную молоденькую студентку колледжа.

Джо, который предусмотрительно заготовил вариант ответа, если все же кто-то заметит его припухшую десну, тут же отказался от него. Врать не хотелось.

– Если ты не скажешь отцу, – предпринял он последнюю попытку.

– Не могу ничего обещать! – отрезала мать.

Джо вздохнул и сдался. Почему-то захотелось стать ненадолго не комиксовым Капитаном Америкой, а маленьким мальчиком, поверяющим маме свои глупые детские обиды и первые разочарования. Что он и сделал.

Элизабет выслушала его, расстроилась и насторожилась появлением неведомой русской девушки больше, чем самим фактом драки. Но виду не показала:

– Сам расскажешь отцу, если захочешь. Пойдем. Он, кстати, следил за тобою по инету. Нашел сайт и смотрел. Всю ночь позавчера не спал, когда вы с русскими сражались. Так что мы все про тебя знаем. Все, что есть в свободном доступе. Странно, что о драке никто не знает, правда? Такой рекламный трюк!

– Странно. – согласился Джо.

Все было странно. Сегодня, и вчера, и вообще все эти дни – подумал он.

Отец и семейные посиделки в Нью-Йорке

Отец появился почти одновременно с доставкой заказа из ресторана. Он расплатился с вежливым до приторности мальчиком-китайцем, глаза которого от двадцати «чаевых» долларов вполне заметно округлились, поставил бумажный пакет с пивом на стол, крепко приобнял сына. Потом они почти два часа сидели и разговаривали, подхватывая палочками из пакетов китайские деликатесы, смакуя утку по-пекински и прихлёбывая с мамой «Будвайзер» из высоких стаканов. Отец, склонный к полноте и успешно борющийся с нею все свои почти пятьдесят лет, любивший пиво как все люди такой комплекции – и так же принципиально его редко пивший – тянул виски со льдом.

Вечер прошел так, как уже давно не случалось. Заключительным аккордом Джо передумал и положил на стол свой экземпляр контракта. Впечатления разорвавшейся бомбы он не произвел. Скорее, наоборот. Тишина наступила такая что, казалось, слышно механическое пощелкивание ходиков-часов, встроенных в панель кухни. Отец и мать, молча пошуршав-прочитав-перечитав контракт, переглянулись. Отец положил листок перед собою и задумался.

Мать, очнувшись первой, подошла к Джо и обняла сзади, уткнувшись лбом в его затылок. Что-то теплое просочилось сквозь его волосы и обожгло темечко. Отец странно закричал и направился к все же к холодильнику за пивом. Джо видел, что его спина содрогнулась от сдерживаемых эмоций. Но в следующее мгновение отец уже повернулся к нему со счастливой улыбкой:

– Я горжусь Вами, мистер Джо Фэйхи!

Он подошел и положил руку на плечо сына. Сжал, отпустил и спросил с какой – то надеждой:

– Моя помощь нужна?

– Не знаю пока... – честно ответил Джо.

– Ты знаешь, где меня найти, сын, – отец отпустил его плечо, погладил по спине жену и оторвал ее одновременно от сына. Как-то вмиг потяжелел, постарев, он сел грузно обратно на стул.

Семейный ужин давно закончился, родители ушли к себе. Отец, немного и тепло захмелев, благодушно воспринял даже новость о «русской пассии» сына, которую ему все же не утерпела-доложила жена.

– Его дело. Говорят, русские девушки очень даже красивы, – только и ответил он жене, забыв приобнять её, а Джо неожиданно хитро подмигнул за спиной матери и заговорщически прошептал одними губами:

– Я её видел! Хорошая работа!

Обруч и перчатки

Джо вздохнул, поставил маленькую, верхнюю из сложенной им недавно пирамиды коробку на стол и решительно провел ножиком прямо по наклейке-эмблеме, разрезав ее на две: черную и белую половинки. Наклейка освободила картонную крышку коробки и Джо, отодвинув бумагу и полиэтилен в сторону, достал из серого нутра еще одну плоскую коробочку. Поставил пустую коробку вниз, разрезал очередную наклейку и в его руках оказался странного вида круглый предмет. Довольно тяжелый, из блестящего серебром металла. Немного подумав, он вспомнил как называется – наверное – подобный предмет. Обруч. Это был просто обруч. Безо всяких проводов, разъемов или даже рисунков. Гладкий, блестящий, простой обруч. Первой мыслью было надеть его на голову, но Джо не стал спешить. Возможно, это лишь часть общего снаряжения, логично подумал он и взялся за вторую коробку.

В ней оказался еще один странный предмет. Точнее, два предмета. Два, составляющие одно целое. Перчатки. Черные сверху и белые внутри. Тонкие, удобные, легкие перчатки. И снова никаких датчиков, разъемов или других дополнений ни на самих перчатках, ни к ним в придачу не было. Джо взвесил их на руке, заглянул внутрь: только светлая, матерчатая подкладка. И отложил перчатки на край стола. К обручу.

Клавиатура и переходник

Третья, самая большая и тяжелая коробка, принесла ему более понятные и привычные находки. Компьютерную клавиатуру и маленькую, но увесистую коробочку, похожую на переходник или усилитель сигнала. От нее шли два провода с разъемами. Один, безусловно, должен был присоединяться к только что обретенной клавиатуре, снабженной обычной электрической «вилкой», а другой – к компьютеру или ноутбуку. Назначение обруча и перчаток все еще оставалось неясным. Точнее – тем более неясным.

Раздумывать было некогда: ночь уже давно вступила в свои права, и Джо почувствовал усталость. Но любопытство, а скорее обязательность Джо быстро расставили приоритеты между отдыхом и работой в пользу последней. Он включил ноутбук, быстро присоединил разъем туда, куда обычно входит флэш-карта. Второй подошел, как и предполагалось, к клавиатуре и клацнул тихим пластиковым щелчком. Маленькая лампочка на коробочке вспыхнула красным и тут же загорелась зеленым светом. Джо подключил клавиатуру к сети, и с лампочкой справа на ее панели произошел тот же красно-зеленый эффект. Вроде бы все как надо – подумал Джо. В подтверждение его мыслей на экране почти мгновенно появился знакомый символ, выполненный в виде черно-белого круга с алой буквой «М». Джо щелкнул на значок, пользуясь «мышью» ноутбука. Ничего не произошло. Джо сообразил и сделал то же самое на новой клавиатуре: навел стрелочку джойстиком и нажал «Энтер». Новая программа, немедленно высветив крупно тот же логотип, стала загружаться, заполняя весь экран столбцами цифр, символов и латинских букв.

Инструкция, схема и флэшка

Пока компьютер делал свою работу, Джо решил порыться в коробках: должна же быть хоть какая-то инструкция! Инструкция была. Приклеенный скотчем пакет с небольшой схемой нашелся на дне последней коробки. Кроме самой инструкции в пакете была обычная на вид черно-белая флэшка. Джо повертел ее в руках. Кое-какие мысли эта находка навеяла, но

привыкший к порядку Джо решил по нему и действовать. Он отложил флэшку в сторону и взялся за инструкцию.

Схема, а точнее рисунок изображал человека, который сидел за компьютером и клавиатурой – тут Джо всё сделал правильно. Только обруч был у человека на голове, а перчатки надеты на руки. Логично-нелогично, подумал Джо. От обруча и перчаток – как было ясно сразу – никаких проводов не тянулось, и принцип их работы был неясен. Тем не менее схема лежала перед ним. Джо покосился на перчатки и обруч, протянул к ним руку, но потом решил дождаться окончания загрузки программы. Объяснение могло быть уже там.

Загрузка и куратор

Программа загрузилась, известив об этом через колонки каким-то скрежетом и незамысловатой, тревожной мелодией. Джо поспешно убавил звук и стал изучать главную страницу файла-программы. Та была проста до примитива: на матово-черной странице были лишь несколько прямоугольников-указателей. Они назывались: «Вход»; «Правила»; «Твоя страница»; «Стратегия игры» и «Вызов куратора». Никаких «Контактов» и прочей чепухи не было и в помине. Информации о фирме-производителе или иной рекламы тоже не наблюдалось. Джо пожал плечами и нажал на «Вход», используя новую клавиатуру, но зеленый огонек на ней немедленно погас. Джо попытался еще раз, но тщетно. Поперек экрана возникла грозная надпись: «Используйте схему работы».

Пришло время следовать инструкции – с облегчением решил Джо. Он надел на голову приятно холодивший лоб обруч – Джо даже показалось, что обруч принял форму и размер его головы, но это, конечно же, показалось? – легко и быстро натянул перчатки. И... И все изменилось. Движение рук немедленно отразилось на экране, как в старом добром фильме «Газонокосильщик» и в голове – прямо в голове! – Джо зазвучали тихие слова:

– Добро пожаловать, мистер Фэйхи.

Начало

Не смотря на ласковый, вкрадчивый тон Джо почти подскочил на стуле, нелепо взмахнув руками в перчатках. На экране его движения напоминали двух птиц, поднявшихся в воздух суматошно и неожиданно. Взлетевших над землей и пропавших в небе – за экраном – в вышине. Голос больше ничего не сказал, пока Джо через какое-то время не пришёл в себя, и сообразил мысленно-мысленно!!! – ответить:

– Спасибо.

– Игра начинается. Контракт действует. Используйте перчатки для входа на сайт. Удачи Вам. На этом моя миссия окончена – голос прошелестел последние слова и оставил Джо одного со своим мыслями. Которых был не один триллион, а как минимум несколько.

Джо сначала захотел снять – скинуть хотя бы обруч, если не все сразу, но слова неизвестного звучали в его голове спокойным, но набатом: «Контракт действует». Да, действует. Нужно выполнять. Джо поводил руками перед экраном, немного приноровился к действительной фантастичности того, что он наполовину находится в другой реальности. Он почти не сомневался, что обруч – когда придёт время – добавит к этому новые ощущения. Он уже показал свои возможности. Страх нужно было подавить, изгнать. Инстинктом первооткрывателя? Пожалуй...

В новой реальности

И, конечно, интересом. И он был, интерес, хотя азарт еще не подключил свои тонкие, беспощадные шупальца к нервным окончаниям. Зато беспокойство поселилось в нем сразу же. Не переходя в страх или панику лишь потому, что контракт был подписан. И еще, Джо вовремя вспомнил, что он – современный молодой человек. Третьего тысячелетия. Знакомый со многими достижениями науки вообще и ее прикладной, компьютерной версией в частности. О виртуальной реальности говорили давно, снимали фильмы и движение «туда» было основной задачей всех производителей компьютеров. Не удивительно, что новая фирма Куратора чувствовала себя уверенно, входя на рынок с практически осуществленной мечтой многих поколений современных производителей. Кто-то должен был совершить прорыв, вот он и случился. Тем более, что перчатки это не такая уж и новинка. Вот обруч – другое дело. Без проводов, способный воспроизводить мысли в виде разговора? Конечно, это прорыв, обвал и взрыв. Но все к тому и шло. «Наутилус» Жюля Верна когда-то казался его современникам бредом сумасшедшего и что? Все изобретено, все работает и уже больше века.

«Вход» и «Правила»

Успокаивая себя такими логичными подходами, Джо, не переставая все это время вживаться пассажами-движениями рук в перчатках в новый мир, протянул правую к прямоугольнику «Вход». Дотронулся указательным пальцем до мерцающего красным слова... Прямоугольник разлетелся на мелкие кусочки и осыпался вниз экрана, а страница разделилась на две половины: черную и белую. Поперек ее значилась кроваво-красная надпись на английском и русском языках: «Правила игры Вы можете узнать, нажав на кнопку «Правила». Кроме того, на экране возник текст:

«Внимание! Настоящие правила действуют до конца игры. Участник не вправе по своему усмотрению менять настоящие правила. Особенности:

Первое. Никакие вопросы по разъяснению правил не принимаются. Понимание правил составляет одну из основных стратегий игры.

Второе. Интерпретация и применение правил, не выходящая за рамки общей стратегии игры – прерогатива капитана команды.

Третье. Возможны дополнения, изменения и иные опции, которые организаторы могут внести по ходу игры.

Внимание! Разглашение или передача стратегии игры третьим лицам недопустимы до официального разрешения организаторов и будут считаться нарушением контракта с немедленным и односторонним его прекращением. Допускается лишь разъяснение некоторых правил другим участникам, в части их касающейся.

Кнопка «Вызов куратора» не означает, что при каждом вызове Вам будет дан ответ. Куратор оставляет за собой право не выходить на связь».

Джо откинулся на спинку кресла и задумался, пытаясь переварить довольно странные понятия, которыми было изложено сообщение. Через пару минут, ничего особенно не надумав, он пожал плечами и потянулся рукой к кнопке «Правила игры».

Статья двенадцатая Москва

Полководец Михаил. Знакомство с правилами и оборудованием новой игры продолжается. Удивляться нет времени. Правила и стратегия. Холодное оружие во всемирном масштабе. Атака и оборона. По полю и с конем.

Все заметнее рассвет

За окном заблестал солнечными бликами рассвет. Москвичи потянулись к своим машинам, прогревая и очищая их от снега, отслеживая возможные уже в такую рань пробки по мобильникам, определяя маршруты и пути объездов. Перекликались дворники-азиаты. Переругивались вороны и галки, сновали между ними деловитые воробьи. Стайка синичек дружно, но тактично обследовала балконы и лоджии в поисках возможного подаяния. Голуби молча, сизыми кучками сидели на проводах, наблюдая утреннюю ленивую суету внизу и привычно ожидая, когда старушка с восьмого этажа накрошит им белого хлеба на серый снег.

Осколки прямоугольника скрылись стеклянными брызгами слов «игры» и «стратегия» под нижней частью экрана. На листе, стилизованном под старинный свиток с царапинами и следами изломов, с загнутыми, потрепанными краями высветился небольшой текст. Михаил, наклонившись к экрану, внимательно читал правила.

Черная и белая армии

Первый шок уже прошел, обруч на голове перестал причинять неудобства своею тяжестью, а перчатки ласкали руки, как будто подавая в ладони слабые электрические разряды. Щекочущие подушечки пальцев и разливающие приятное, нетерпеливое тепло. Так же нетерпеливо ему хотелось ознакомиться и с правилами. Ради этого он встал пораньше и, пока Ваня и мама спали, разобрал свои коробки. Успел и насторожиться, и испугаться. И привыкнуть. Также он попытался найти применение флэшке, но безрезультатно. Отложил ее «до выяснения». Теперь нужно было прочитать правила, чтобы привычка стала второй натурой. По крайней мере до конца игры.

«Стратегия игры» гласила:

«– Смысл игры заключается в том, что «черные» и «белые» составляют две команды, целью каждой из которых будет являться победа в сражении. Для этого командование каждой, в лице подписавших контракт командира-полководца и его четверых заместителей-маршалов готовит свои армии к решающей битве.

– Набор в армию осуществляется ЛЮБЫМИ путями, с использованием ЛЮБЫХ средств связи и коммуникации и ИНЫХ методов среди граждан ЛЮБЫХ стран мира.

Примечание: Организаторы игры вправе и будут осуществлять широкую ОБЩУЮ рекламу проекта, что поможет командирам увеличить ряды своих армий. Поощрение и применение иных методов убеждения для увеличения рядов своей армии, могут применяться ТОЛЬКО по согласованию с кураторами команд;

– В сражении разрешено применять ТОЛЬКО холодное оружие или подручные средства, исходя из рельефа местности и сооружений,

находящихся на ней. За крайнюю точку отсчета применяемого оружия берется европейское средневековье. Использование другого оружия исключено средствами программы;

– Количество действующих лиц – состав армий – не ограничено, но подчиняется временным рамкам (этапам игры) и пополнение войск после начала сражения НЕ ДОПУСКАЕТСЯ;

– Команды осуществляют сражение теми силами, которые будут в их распоряжении к началу битвы по собственному усмотрению, стратегии и плану;

– Одна команда условно обороняется, другая наступает;

– Игра проводится по нескольким этапам: смотри раздел «Этапы игры»»).

Масштабы впечатляют

Отметив, что если в самой игре нет ничего сверхсложного, а также принципиально отличного от пресловутых «Стратегий», Михаил тут же выделил несколько важных моментов. Первым, конечно, выступал всемирный охват участников. На такое еще никто не замахивался. Стало не по себе в роли Полководца. На миг. Потом стало интересно так, что дух почти захватило. Он задержал дыхание, как учил отец перед выстрелом, выдохнул и успокоился: волноваться будем потом, позже.

Без ракет и бомб

Вторым пунктом он выделил тот, что холодное оружие, указанное организаторами как единственное, кардинально отличается от их обычного пулеметно-автоматного снаряжения, привычного по «Контратаке». В применении которого они поднаторели. По крайней мере до уровня полуфинала – кольнуло почти забытое разочарование. Он поразмыслил и решил, что команда Джо в таком же положении, а «полет мысли» организаторов в связи с отбором их команд вообще сомнителен. Но, по крайней мере, он справедлив – решил Михаил. И это, в общем их, организаторов, дело и выбор. Спорить не о чем.

Так, реклама и набор в армию... Тут все логично, хотя и совершенно непонятно, как все это делать. Ладно, разберемся. Почти знаю, кстати, кому это поручить. Попросить, точнее. Не факт, что согласится, но попытка – не средневековая пытка. Михаил с удовольствием прислушался к себе и понял, что мозг, помимо его воли начал уже работать над будущими планами, программами и проектами. Складывать картинки-пазлы, искать входы-выходы и методы. Методы против Кости Сапрыкина. Таак... пошёл юмор и не самого плохого качества. Уже хорошо. Он прибодрился, настраивая остальной организм на посильную помощь серому веществу которое, казалось, начало бродить туда-сюда кругами и волнами, как вода в чайнике перед тем, как закипеть.

Кто в атаке, а кто в обороне

Дальше... За что-то он зацепился сразу же, не упустить бы. Ага! Вот еще: что это значит – условно обороняется и наступает? При любых раскладах обороняющиеся имеют преимущество. Соотношение наступающих для начала по количеству должно быть изначально большим. Тут, с холодным оружием, конечно не в разы, а в процентах считать будем, но все же это незыблемый военный закон. Аксиома. Так-так, интересно! А если оборона, значит и какие-то

укрепления будут? Крепость, замок или хотя бы рельеф? Важно. Очень важно. И как встать в оборону? Так, в разделе «Этапы». Отметили, поместили, взглянем.

Читайте «мелким шрифтом»

Стоп-стоп! А это что? Внизу, значительно более мелким шрифтом чем основной текст, значилось одно важное предложение, на которое Михаил сразу же обратил пристальное внимание:

– Примечание: организаторы оставляют за собой право изменять или корректировать любой пункт настоящей стратегии по собственному усмотрению на любом этапе игры.

Вот так? Живут Америка с Европой. А у вас-то у самих все через что? Вот как! Так это примечание, господа, нивелирует значение всех пунктов! Если захотеть. «Не на равных играют с волками» – пропел про себя Михаил. И тоскливо закончил – «егеря. Но не дрогнет рука». Да уж, если надо, будут бить «уверенно, наверняка». Что и требовалось доказать. Не так уж тут все чисто и гладко, честно да ясно. Впрочем, игра проходит, так скажем, испытания и сделать ее интереснее и привлекательной является – надо думать – целью организаторов. Да и с любой стороны, опять же все в равных условиях. И победитель не мытьем, так катаньем, определится. Ладно. Учтем и запомним. Ох, крепко запомним. Так, что там дальше? Этапы. «По этапу, не в мягком вагоне. Сigaretку подвесив на ихний манер, не ищите меня в Вашингтоне». О, прямо в тему... – напевал он уже раннего Розенбаума, попадая в очередной прямоугольник.

Осколки зелёного прямоугольника, распадаясь на Э, Ы и прочие буквы растворились на дне экрана. Развернулся очередной короткий свиток. Точнее – его обрывок. Потому что гласил он коротко и ясно:

– Первый этап: рекрутирование бойцов в армию. Выбор оружия. Комплектование подразделений.

– Второй этап: подготовка войск, тренировки и учения.

– Третий этап: сбор и выдвижение армий к месту сражения, занятие позиций на поле боя.

– Четвертый этап: битва.

От капитана до командира

Действительно, коротко и ясно, отметил Михаил и тут же стал искать ответ на свой вопрос. Нашелся он, конечно же, в мелком шрифте очередного примечания. Которое гласило:

– Командиры определяют место сражения – выбранное и зашифрованное организаторами – на основе своих личных данных и соображений. Тот, кто первым определит и займет место сражения, будет обороняться. Второй – наступать.

Вот такой вот ответ, подумал Михаил тоскливо. Опять все на него одного. Что ж, на то он и командир. И премия в контракте тоже стоит соответствующая его обязанностям и, надеюсь, достижениям. Будущим. Опять все логично.

Больше на страничке ничего не было, и он убрал ее уже почти привычным взмахом левой руки в перчатке. На экране остались лишь два прямоугольника: «Вызов куратора» и «Твоя страница».

«Его страница» была пустой. Сиротливой. Он вообще-то так и не понял ее назначения, но неужели они думают, что какие-то планы он занесет сюда? Да ни фига подобного! Как крадут информацию с компьютеров, он знал не понаслышке, а один хакер даже проделал это при нем, и подставляться так глупо с самого начала не собирался.

– Ищи дурака! – присвистнул Михаил, вспомнив толстого мальчика, который отказался покупать у Буратино за четыре сольдо, необходимые на билет в театр кукол Сеньора Карабаса Барабаса, его бумажный колпак и согласился в итоге только на азбуку.

Так-так. Дальше. Куратор. Вызов куратора. Заманчиво. Поговорить с куратором хотелось. Бы. Но предупреждение о том, что она может на связь и не выйти, остановило Михаила. А вдруг спит человек, тем более дама? Разбудить для начала и тем самым оставить о себе неприятное впечатление? Прошу покорно. Или, может быть, не она сама будет с ним говорить, а ее помощники, замы? Проверим. Потом. А сейчас о чем спрашивать-то? Все пока? Вот именно, все. Нет. Для начала надо ехать к ребятам. Они – Егор звонил ещё вечером – уже тоже получили свои посылки и разбираются. Что-то посоветуют, на то они и штаб. Маршалы. Да и вообще: деньги поровну, так что именно штабом и нужно работать. Он почему-то посмотрел на фотографию отца, вспомнил его любимую фразу – песенку, повторил про себя и... Расстроился своим малодушным мыслишкам. Вперед, труба зовёт! – встрепенулся он.

– Все может командир! Все должен командир. И судьбы всей земли вершит один порой... – пропел Михаил когда-то переделанную отцом строчку второго Алл – Борисовны хита.

Он задумался и вернулся на свою страницу. Еще немного подумал и быстро написал по-русски, используя новую клавиатуру:

– Принимаю командование – и добавил после секундной паузы, – Наше дело правое.

Откинулся, довольный, в кресле. И сразу же придвинулся обратно: немедленно на странице произошли изменения, и она приняла вид некоей анкеты. В левом верхнем углу появилась его фотография с последнего турнира, ниже пошла биография – исчерпывающая! а справа высветилось окно «Полководец». Михаил «кликнул» на окно перчаткой, и вместо надписи на экране появилось изображение всадника в высоком, остроконечном шлеме, закованного в серебристую кольчугу. В левой руке был круглый, красный щит, а в правой – длинное копьё. У бедра висел прямой меч. Белый конь изогнул гордую спину и грозно занес копыто, грызя поводья и косясь на хозяина преданным, нетерпеливым взглядом. В довершение всего, у всадника было знакомое лицо. Михаилу, как любому человеку, понадобилось несколько секунд, чтобы перейти от редкостного по своей тупости наблюдения: «кто – то знакомый», и промежуточного мнения: «это же» к окончательному выводу: «это же я».

На коне, на лугу

Реальный Михаил откинулся на кресле, подумал и дотронулся до своего изображения пальцем в перчатке... В следующее мгновение потемнело, полетели мимо него какие-то отблески то ли звезд, то ли искр от костра. Быстро и еще быстрее. Невыносимо быстро... Он не закричал только потому, что мгновенно вспомнил о спящих маме и брате, и тут же полет прекратился. Наступила кромешная тьма, но сразу же он ощутил на лице свежий ветерок, принесший с собою запахи трав и луговых цветов. Вдохнул чистейший воздух, от которого немного закружилась голова. Где-то внизу и немного впереди коротко заржала лошадь. Его телу передалась нетерпеливая дрожь животного, пронизав от ног до макушки. Тьма и искры рассеялись.

Перед ним расстилался бескрайний и безбрежный луг, далеко-далеко в дали переходящий в кромку леса и взлетающий всей своей цветочной зеленью в край нереально синего неба. Михаил медленно опустил голову и взгляд его уперся в два лошадиных, тревожно подрагивающих уха, холку с белоснежной гривой и, наконец, встретился с темным глазом того, на чьей спине он сидел. Конь кивнул ему головой, как будто приветствуя и сделал пару шагов вперед, будто приглашая хозяина куда-то.

Хозяин еще не был готов. Тем не менее он инстинктивно подтянул повод – который оказался в левой руке, как и положено – и конь встал на месте, как статуя. Михаил оглядел себя и понял, что ощущения его не подвели: тяжесть на плечах и голове, непривычная полу – монументальность его фигуры означали то, что он не просто сидел на коне. Сидел на коне и в доспехах. Копье, щит, меч, поножи, кольчуга и все остальные предметы его снаряжения, увиденные

им на экране, теперь были на нем и при нем. Удобная, но все же тяжесть на голове и несколько мешающая стрелка, идущая сверху аккуратно между глаз, говорили о том, что шлем тоже на своем месте. Щит был закинут за спину – удобно, кстати – копьё вставлено в специальную лунку у стремени и торчало вертикально вверх, а справа на поясе еще и нашелся длинный кинжал в червленых серебряных ножнах.

Повозившись в седле с высокой, отделанной серебром лукой, привстав несколько раз на стременах и повертевшись в стороны Михаил понял, что все сидит на нем вполне удобно, ладно, почти не мешает и немного успокоился. Не похлопал, а погладил коня по шее. Тот отозвался благодарным переступом копыт и снова сделал шаг вперед. Михаил вздохнул, немного отпустил поводья, и конь сразу двинулся с места. Медленно, потом быстрее, переходя на осторожную рысь. Наездник, то есть он сам, сидел на коне, «как влитой» – вспомнил он наиболее подходящее выражение, а его тело выполняло все необходимые всаднику действия: пружинило ногами в стременах, крепко держало повод левой рукой, в то время как правая висела свободно вдоль туловища.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.